

Небесные корсары В Раю без изменений

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Григорий Гурунов

18+

Григорий Гуронов
Небесные корсары В
Раю без изменений
Серия «Небесные корсары», книга 2

*<https://litres.ru/74159517>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Разгромленные и посрамлённые Небесные корсары отправляются зализывать раны, но бой ещё не окончен. Архитектор Рейн даёт главарю корсаров новое задание, чтобы он закончил начатое. В системе Райский уголок, где кишат злобные хищники и коварные люди, скрывается их новая цель. Но как далеко готов зайти и чем пожертвовать Сэндэл Кёрт на пути к мести? Готов ли он к тёмному знанию, что уготовала ему безжалостная вселенная? Самое время узнать!

Содержание

Предисловие	4
Глава 1. Круги на воде	13
Глава 2. Мгла	34
Глава 3. Рай по призванию	66
Глава 4. Выходной палача	117
Конец ознакомительного фрагмента.	119

Григорий Гуронов

Небесные корсары В Раю без изменений

Предисловие

Отец Уильям, он же Генерал, сидел за большим круглым столом в доме Совета Пращуров в городе Берн. Когда-то давно это был административный центр одной из стран центральной Европы. Нынче же границ не было, и это место имело скорее историческое и культурное значение. Сам же дом был скорее укреплённым дворцом, чей оборонительный периметр и охранные сооружения растянулись на многие километры вокруг.

Недалеко от него, уткнувшись в свой личный планшет, расположился Отец Юалд Бледный. Он не прекращал трудиться над своими проектами практически никогда. Впрочем, так можно было сказать обо всех Пращурах. Но Уильям решил сделать передышку, оставив всю работу на своих подчинённых в доке «Альфа».

Убранство в помещении, где они находились, было максимально скромное. Тёмно-серые плиты пола отражали мягкое, но холодное свечение потолочных ламп. Панорамные

окна в это время суток были затенены, чтобы лучи Солнца не мешали собравшимся. Да и смотреть снаружи, кроме как на дозорные башни, более было не на что.

Единственным намёком на роскошь был столик с разного рода напитками, стоявший возле круглого стола, за которым сидели Отцы.

Дверь в зал с тихим шипением раскрылись.

— Да господи ты Боже мой! — громогласно объявил вошедший. — Почему эти собрания надо проводить именно очно?

— Доброго дня, Иван, — улыбнувшись, поприветствовал гостя Уильям и повернулся к нему.

— Уил! Дружище!

Мужчина был низкоросл, но компенсировал это грузностью и излишним весом, который ему необходимо было поддерживать, опираясь на позолоченную титановую трость с рукоятью из слоновой кости. Его голова была гладко выбрита, зато чёрная как смоль борода доставала практически до груди. Ярко-карие глаза метались из стороны в сторону, будто стремясь оценить на предмет ценности буквально все точки пространства.

Он неспешно захромал к Генералу, а когда добрался, то по-дружески обнял его сзади за плечи.

— Неужели и тебя сюда затащили? — спросил Иван, попутно снимая с себя огромную и явно тяжёлую норковую шубу, и бросая ту небрежно на стол.

— Здравствуй, Отец Иван, — произнёс Юалд, отвлекаясь от планшета.

В ответ тот, к кому обратились, злобно зыркнул, отвернулся, но затем добавил:

— И тебе привет.

— Да, надо продолжить работу над великим трудом, — ответил наконец Уильям.

— Ха! — Иван шумно хлопнул ладонью по столу. — Это ли? А чем мы занимаемся? Ладно этот вот. — Отец небрежно ткнул пальцем в Юалда, отчего тот раздражённо закатил глаза. — Но мы то с тобой!

Иван подкатил к себе ближайший стул и уселся рядом с Уильямом.

— Вот смотри! — и грузный Отец развернул ладонь левой руки к себе, а правой стал загибать пальцы. — Миллион тонн руды, двести тысяч тонн продовольствия, семьсот пятьдесят тысяч тонн — это одежда, медикаменты и вещи первой необходимости, — Иван набрал в грудь воздуха, чтобы продолжить. — Ещё шестьсот тысяч тонн оружия и боеприпасов! И техника отдельно! — мужчина поднял в верх указательных палец до уровня глаз собеседника. — И это только для двух левиафанов, причисленных к твоему доку «Альфа»! — он снова жадно вздохнул, чтобы закончить. — А ещё нужно собрать и переправить ресурсы для «Бета», «Гамма», «Делать»! Ты понимаешь уровень логистической проблемы?

— И док «Эпсилон», — вмешался Юалд.

Иван выдохнул с таким звуком, будто вместо лёгких у него был горн.

— Да, и ещё этот, — тяжело подтвердил Отец, не сводя глаз с Уильяма.

— Твои труды будут вознаграждены, Иван.

Все трое обернулись к новоприбывшей женщине. Она стояла в дверях, чьё открытие никто не услышал за шумной тирадой. Перед ней была тележка, на которой лежала увесистая книга.

— Здравствуй, матушка Оливия! — шутливо поприветствовал её Иван. Юалд и Уильям присоединились к нему, но уже в более почтительной манере. Она ответила им тем же и произнесла:

— Уил, ты не поможешь?

Отец встал, забрал книгу с тележки и положил на стол перед местом, где всегда заседала Великая мать Оливия Вект.

Женщина, чей возраст было трудно определить, но не заметить её статность, силу и глубину тёмно-зелёных глаз было невозможно. Её седые, но густые волосы были смотаны в тугой хвостик на голове и единственным украшением на ней была заколка в виде багрового сердца.

Она уселась, подобрав подол длинного платья, и начала листать страницы книги.

— А что, больше никого не ждём? — снова заговорил Иван, разводя руками в сторону полупустого зала.

— Все, кто мог, уже здесь, — просто произнесла она, но,

прежде чем обратившийся к ней начал возмущаться, Оливия подняла на него глаза. — Я очень ценю, мой друг, что ты пришёл лично, — мягко начала она. — Мне ведомо, как тяжёл твой труд и твоё самочувствие. Но верь мне — всё это во благо.

Иван сделал глубокий вдох прежде, чем ответить.

— Твой голос лечит мою душу, Оливия, это уже великая награда.

— Ты бы мог вылечить и здоровье, мой дорогой, и... — хотела договорить Мать, но в этот раз собеседник её опередил.

— Каждому свой черёд и по его заслугам. Игры со смертью я оставлю тебе и этому доктору Франкенштейну, — сказав последнее, Иван качнул головой в сторону Юалду.

— Когда ты уже поймёшь... — начал было Бледный, но был сразу перебит.

— Никогда! — рявкнул Иван. — Люди превыше всего для меня, а то, что ты создаёшь...

— Довольно! — Оливия резко встала из-за стола. — Ваша полемика утомительна и бестолкова. Вопрос уже решён, — она поочерёдно посмотрела на каждого. Те лишь кивнули, но замолчали. — Тема нашей встречи сегодня — это «мир», — продолжила она, садясь. — Я хочу, чтобы каждый высказался — как он понимает значение этого слова. Мы поговорим об этом вместе. И запишем смысл в раздел «Послание потомкам». Уил, ты первый, — закончила Мать и повернула

голову к Генералу.

Отец удивлённо раскрыл глаза, застигнутый врасплох вопросом. Что есть «мир» для человека, прошедшего через столько битв? Видевшего гибель людей от войн, голода, болезней и отчаяния. Он видел, как умирали не только люди, но и государства, и даже идеологии стирались в пыль.

Все в тишине ждали его слов.

— Мир — это... — неспешно начал Уильям через какое-то время. — Настоящий мир — это место, где у людей нет ни причин, ни желания убивать друг друга, — в зале снова воцарились тишина.

Оливия недолго посмотрела на него, видимо, ожидая ещё слов, но затем ответила:

— Краткость — сестра таланта, — она нежно улыбнулась ему, показывая, что не хочет оскорбить его мысли. Тот в ответ лишь кратно кивнул, показывая, что всё понимает.

— Отец Юалд, теперь ты, — обратилась Мать, поворачивая голову к другому человеку за столом.

В это время Иван показательно шумно встал и направился к столику с напитками.

— Я думаю, что «мир» — это территория, — просто ответил Бледный, игнорируя кряхтение грузного человека за спиной. — Люди пока не могут со стопроцентной точностью определить её масштабы. Но я думаю только такой категорией.

— Итак, Мир, как состояние и как объект. Это интересно,

— подвела некий итог Оливия. — Иван?

Отец стоял с бокалом в одной руке, опершись на трость другой. Его взгляд был устремлён куда-то вдаль, куда ни один из его коллег не смог бы понять, даже если бы захотел.

— Я думаю, что мир — это смерть, — наконец сказал он, поворачиваясь к остальным, но смотря на Оливию.

— Поделишься подробнее? — спросила она, когда молчание затянулось.

Иван сделал глубокий глоток.

— Давай деквалифицируем, — начал он. — Что есть мир? Мир — отсутствие конфликта. Что такое конфликт? Противоборство противоположностей. Их столкновение. Как добиться мира, то есть отсутствия конфликта? Ликвидировать либо причину конфликта, либо одну из его сторон, — Отец сделал паузу, чтобы убедиться, что сказанное дошло до каждого. — Могут ли люди ликвидировать причину конфликта? Как показала история — мало вероятно. Ведь очень часто причина — это и есть люди. Или, как минимум, их алчность. Скорее всего, человек попытается ликвидировать другого такого же, — Иван сделал последний глоток, затем, гулко поставив стакан на столик, продолжил. — Но всё это слишком просто и понятно. А вот, что действительно интересно, — он снова сделал паузу, переводя поочерёдно взгляд на каждого и набирая воздух. — Возможен ли мир в индивидуальном понимании? Нет! Потому что конфликт — суть борьбы, он неизбежен! Человек должен был бороться с незапамятных

времён с голодом и холодом. И, что немаловажно, — с самим с собой, со своими страхами. Выходит, что борьба ведётся каждым из нас каждый день на физическом, биологическом и психологическом уровнях. Мы, люди, в состоянии конфликта перманентно! — Отец остановился в очередной раз, жадно хватая воздух и восстанавливая дыхание. Спустя минуту, он продолжил. — Мир, как отсутствие конфликта, — это смерть. Ведь, побеждая в нём, мы снова вступаем в другой.

Шумно выдохнув, Иван внезапно привалился на окно за собой. Юалд моментально подскочил к нему, оперев грузного Отца на себя. Через полсекунды подбежал Уильям, и вместе они усадили коллегу за стол.

— Воды? — спросил Бледный. Иван просто кивнул, резко расстёгивая верхние пуговицы шёлковой рубахи.

— Не думаю, что стоит излагать такое видение, — прокомментировал Генерал, садясь на своё место и обращаясь к Оливии.

— Или, наоборот, стоит слово в слово, — внезапно добавил Юалд, ставя стакан напротив Ивана. — Что думаешь?

Великая мать какое-то время смотрела в книгу, а затем резким движением закрыла её.

— Я думаю, — наконец заговорила она. — Мы вообще ничего не будем писать о мире.

Генерал перекинулся взглядом с Бледным. Военный и генный инженер. Оба идущие к одной цели, но понимающие,

что их мнения далеко не всегда будут едины.

— Правильно ли это? — задал явно общий вопрос Уильям.

Оливия встала и направилась к Ивану. Встав подле него, она ласково положила руку ему на плечо, а сама повернулась к окну.

— В сухом остатке, в каждой главе, каждом разделе и послании Книги мы прописываем для людей те ориентиры, которые считаем правильными, — Мать повернулась к собравшимся. — Вот всё это, каждое слово и предложение, будет формировать для них мир. Так и только так, многое станет единым, — Оливия указала пальцем на их великий труд, лежащий на столе. — Книга Основа — вот теперь их мир!

Глава 1. Круги на воде

*Ничего не забывать, ничего не прощать.
Легионерская поговорка*

Ульве проснулся от жуткой тряски и, силясь осознать происходящее, резко сел на кровати. Голова ужасно болела, но осматривая окружающее пространство, ученик просвещённого всё же начал припоминать.

Он возвращался с провальной миссии на приграничном мире Октус V, когда роту корсаров Сэндэла Кёрта, а также отделение Гвардии ночи Нээмана Безликого разбили химеры. Но это было не самое ужасное...

Ужасное? Ульве пытался вспомнить, как погиб его учитель. Ничего не выходило. Может оно и логично: корабельный врач сказал, что его контузило во время сражения.

Почему он сражался? Ведь Земба говорил, что ему ещё несколько месяцев нельзя будет встать с кровати. Вот и сейчас он чувствовал жуткую слабость, боль в левом боку и...

Ульве резко встал и направился к зеркалу. Остановившись в центре каюты, он вдруг осознал, что понятия не имеет, где находится зеркало и даже уборная. Осмотревшись, юноша поймал себя на мысли, что он видит всё это впервые. Каюта выглядела нетронутой, хотя у него откуда-то было чувство, что он живёт тут уже ни один месяц.

Поняв, где находится душ, Ульве направился туда, и поравнявшись с зеркалом, раскрыл рот от изумления.

Левую часть его лица заменял тёмно-серый, но при этом эластичный металл. Он накрывал треть лба, шёл левее носа, и уходил к шее над верхней губой. Вместо левого глаза сиял ярко-жёлтый огонёк в центре чёрной пустоты. Приглядевшись ещё немного, Ульва всё-таки увидел, что яблоко глаза состоит из какой-то чёрной материи и закрыто линзой.

— Что это?..

И только он произнёс это, как поток информации начал отображаться в пространстве перед его взором.

Испуганный парень от неожиданности начал отмахиваться руками и крутить головой, пытаясь сбросить наваждение. Через мучительную минуту тщетных усилий он остановился, и глядя в стену, пытался осмыслить происходящее.

На пространство комнаты ложились различные бесполезные данные: углы и расстояние между предметами, частички пыли, витавшие в воздухе, увеличивался и отдалялся обзор, от чего юношу начало подташнивать, а в голове с трудом и, кажется, с болью начали всплывать образы какой-то операции, проводимой над ним.

Знакомое лицо врача Зэмбы было как маяк в штормах мыслей и воспоминаний. Был кто-то ещё, кто говорил с ним... Лицо тоже было знакомым, но быстро расплывалось.

Ульве резко зажмурил глаза и начал повторять.

— Хватит, хватит, хватит.

Не помня сколько простояв так, с бешено колотящимся сердцем, ученик просвещённого всё-таки нашёл силы открыть глаза.

Неконтролируемые потоки информации исчезли, но пришла другая напасть — Ульве почувствовал резкую боль в боку. Задрав рубаху, он увидел, что забинтован ниже груди и до пояса. Немного отодвинув повязки, юноша обнаружил ещё до конца не прижившуюся синтетическую плоть. Судя по состоянию стыков, ему ещё нужно время для полного восстановления. Теперь же бинты пропитались кровью, явно не предвещая ничего хорошего.

Сосредоточившись на очевидной мысли, Ульве встал и направился к двери — в лазарете он найдёт Зэмбу и получит ответы на вопросы, а заодно его и перебинтуют.

Но дверь отворилась раньше, чем он к ней подошёл. В каюту вошли два легионера в доспехах цвета медной патины. На нагрудной пластине каждого был выгравирован круглый герб Наследной империи — изумрудное дерево внутри серебряной шестерни.

Один из них заговорил:

— Мы прибыли в систему Миркелия и приближаемся к Оттолу. Вам пора проследовать к челноку.

От ученика просвещённого не укрылось пренебрежение его статусом и неуважительный тон легионера, но он промолчал и смог только спросить:

— Почему я здесь?

Воины переглянулись.

— Нам приказано доставить вас домой.

— Но где гвардейцы и корсары? На чём я корабле?

Легионер глубоко вздохнул, не скрывая раздражения.

— Этот военный корабль класса Пугио. Гвардия ночи отправилась с легатом на Терру-Нову. Куда сбежали ублюдки-пираты мы понятия не имеем...

— Они не пираты, — злобно вставил Ульве.

Солдат лишь слегка улыбнулся от этой реплики и продолжил:

— Легат отдал нам приказ: вернуть вас в Оттол.

Ученик просвещённого поджал губу. Его разозлила дерзость солдата, но чувство потерянности нахлынуло сильнее. Он остался один... Без Григория, воспитывавшего его столько лет, без корсаров, с которыми провёл малую, но наполненную событиями часть жизни.

Он не понимал почему так цеплялся за этих людей. Не мог вспомнить особых проявлений дружбы, а попытки хоть что-то отрыть в памяти вызывали какие-то странные болевые позывы. Но главное он не понимал, почему мысль о смерти Григория не задевает его.

Нет, какие-то чувства грусти и тоски были, но они были дополнены ещё чем-то. Какой-то холодной ненавистью...

Из забытья его вывел голос хама-солдата.

— Нам пора.

И Ульве покорно побрёл за легионерами. Он вышел из ка-

юты не оглядываясь, откуда-то точно зная, что в ней нет ничего ему принадлежавшего.

Всю дорогу юноша пытался вспомнить, что же его сюда привело. Но тщетно. Он даже не заметил, как его привели в ангар, в котором кипела обыденная работа. И только отдельно стоявший «Коршун» был островком спокойствия. Возле трапа ожидали двое.

Легионеры подвели Ульве к этим двум и, отдав честь одному из них, кто, несомненно, был капитаном корабля, синхронно развернулись и, чеканя шаг, ушли.

— Как ваше самочувствие? — добродушно начал второй человек, который, судя по внешнему виду, был врачом.

— Станет лучше, если мне кто-нибудь расскажет, что я тут делаю.

Врач уже было хотел что-то ответить, но его перебил капитан:

— Что вы помните?

Это был невысокий человек, с глубокими залысинами на голове. Его сине-белая форма сидела мешковато, а маленькие глазки сверкали таким же пренебрежением, как и у его солдат.

— Мало чего. Какие-то образы, обрывки...

— Вас сильно контузило в последнем сражении. Вы помните, как я вас лечил? — снова вмешался врач.

— Я... — юноша растерялся, а в голове начало мелькать лицо этого человека, отдельные фразы о восстановлении по-

сле ранения, о доме. — Я не помню... У меня тут кровь, — и Ульве снова поднял рубаху, показывая на окровавленные бинты.

Врач посмотрел на командира корабля, но тот тут же бросил:

— Нет времени. Его вылечат в Красном шпиле. Идите на корабль, Ульве.

Сказав это, он развернулся и зашагал на выход из ангара.

Ульве уже не знал, что ответить или спросить. Он внезапно понял, что теряет силы.

Заметил это и врач. Подскочив к падающему ученику просвещённого, он подхватил его под руку и повёл к трапу. Усадив там в кресло и пристегнув, медик достал откуда-то из-под своего халата шприц и вколол в шею юноше.

— Станет легче, не переживайте.

И, не сказав больше ни слова, ушёл.

Ульве наблюдал, как поднимается за ним трап, а в отсек опускается тьма. Через секунду, падая в забытие, он понял, что тьма опустилась вместе с его веками.

* * *

Сэндэл закрыл глаза, делая глоток из бутылки. Пойло было довольно забористое и не менее мерзкое, но капитана это мало волновало. Он стабильно прикладывался к выпивке каждый день, начиная с того момента, как они покинули

Октус V.

Воистину проклятая планета, как бы чуждо это не звучало в обществе, где главенствует научный прогресс. Сколько великих воинов сложили там головы? Сколько его товарищей по оружию?

Боевые потери были неотъемлемой частью жизни Небесных корсаров, и медленно, но верно состав ветеранов из бывших легионеров погибал. Их место занимали новые воины. Капитан ожидал, что скорее их всех перебыют, чем вся рота полностью обновится. Однако потеря двух третей личного состава, в том числе и команды корабля, ударила сильнее, чем Сэндэл был в состоянии представить: вид почти полностью пустых ангаров, казарм, столовых вгонял его в такое уныние и тоску, которую он не ощущал с тех пор, как трагически погиб его легат Август. Но даже тогда чувство скорби было полностью выжжено яростью и ненавистью.

Но не в этот раз. Он безумно жаждал крови Григория Герцена и всех причастных. Однако, это больше не придавало сил. Как бы стыдно и больно ему ни было это признать, но он корил себя и жалел. Бессильная злоба на собственную глупость и заносчивость тлела на его душе. И самое ужасное, что он ничего не добился... Много дорогих ему людей погибло, и ещё многим угрожает потенциальная опасность.

Перед глазами капитана то и дело всплывали образы десятков погребальных саванов с гербом корсаров, уложенных в торпедном отсеке, а также суровые и одновременно снеда-

емые горем лица оставшихся в живых.

Когда главарь корсаров в предыдущий раз стоял там, то сказал команде, что «кто-то поплатится за этой головой». В этот же раз — у него не было сил вымолвить хоть слово.

Как только «Нептус» избрал курс в систему Индастрис, владения Архитектора Рейна, Сэндэл первым делом связался со своим соглядатаем Джимбо в Оттоле, и приказал ему немедленно эвакуировать Катарину. После чего связался с ней и предупредил об этом...

Криков и ругани было много, и ещё больше предстояло выслушать, когда они встретятся на Скентиуме, столичном мире системы. Сэндэл тогда подумал об условной удаче в том, что его возлюбленная сирота, и не надо вывозить ещё и её родственников.

Но самое главное, что с ней всё будет в порядке — Джимбо уже передал зашифрованное послание, где сообщил, что она покинула планету.

Дверь в комнату отдыха отъехала в сторону и внутрь вошёл Эбер.

Он грустно посмотрел на своего командира, на бардак вокруг и покачал головой.

— Надо с этим заканчивать, Сэнд.

— С чем? — спросил корсар, явно понимая, о чём идёт речь.

Офицер не стал утруждать себя ответом, и подойдя, просто вырвал бутылку из рук командира и поставил рядом на

стол.

— Верни, лейтенант, — злобно рыкнул Сэндэл.

— Нет, хорош вам уже. И так выглядите, как кусок дерьма.

Капитан попытался встать, попутно огрызаясь:

— Я все ещё твой командир!

— Точно, и чтобы так было впредь, надо привести себя в порядок, — без доли юмора заявил Эбер. — Иначе Катарина вас убьёт, а нам ещё нужно доделать дела.

— Какие дела?

— Ты прекрасно знаешь! — взорвался дюжий корсар. — Это не может вот так закончиться! Ты тут заливаешь горе? Оно только у тебя? Идрис потерял почти всю команду и всё же не спивается здесь! Вряд ли дело только в том, что ему религия не позволяет. Соберись ты наконец. Мы нуждаемся в тебе!

Капитан, наконец сумевший крепко встать на ноги, выразительно посмотрел на своего друга.

Гнев Эбера моментально улетучился, и он взял себя в руки.

— Простите, командир.

Сэндэл просто кивнул в ответ, а затем спросил:

— Сколько нам осталось лететь?

— Неделю.

— Отлично, значит времени ещё полно.

С этими словами он взял бутылку со стола и направился на выход.

Выйдя наружу, капитан отправился в единственное место, где ему не будут читать нотации, либо укоризненно смотреть.

Идя по корабельным коридорам, главарь корсаров иногда натыкался на следы недавней битвы: кровь, конечно же, отмыли в первую очередь, но были видны росчерки от пуль, царапины и даже дыры на стенах.

Увидев пятно на полу, Сэндэл присел на корточки и узнал багровую краску, въевшуюся в поверхность. Тут понадобится шлифовальная машина, а не просто уборка.

Людей в команде катастрофически не хватало не только что для восстановления корабля, но и для его нормального функционирования. Кроме человеческих ресурсов — необходимы были и материальные: заплатки для пробоин, топливо, строительные материалы, оружие и доспехи.

Погрузившись в тяжелые раздумья, капитан не заметил, как добрался до оружейной, где на самодельных мишенях оттачивал своё искусство сержант Лоркан.

Танец смерти в исполнении этого корсара всегда поражал своей элегантностью и динамичностью. Будто резать и колоть для него было также естественно, как для остальных просто идти. Оружие описывало плавные дуги и резко попадало в цель. Лицо сержанта не выдавало никаких эмоций. Перед ним могли быть кто угодно: мишени, химеры, люди...

Когда вошёл Сэндэл, тот отдал честь и остановился.

— Продолжай, — бросил командир корсаров и уселся на

стул.

Но мясник не повёл и ухом и стал просто смотреть на старшего по званию. Сэндэл, чувствуя его холодный мёртвый взгляд, всё же решился заговорить.

— Ты тоже считаешь, что я веду себя неподобающе?

— Отчасти, — прозвучал простой ответ.

— Как ты так просто справляешься с потерей своих людей? — без обиняков, но скорее с вызовом спросил капитан.

Сержант ответил не сразу.

— Я очень давно понял, что люди смертны и ничем их не вернуть. А после, вообще пришёл к очевидной мысли, что переживания, жалость, грусть, моральные страдания, слёзы — это лишь потеря времени. Возможно, моя вина отчасти в том, что я их плохо подготовил, и они погибли. Значит мне стоит скорейшим образом начать работу над ошибками. И так во всём.

— Всё гениальное — просто, — съязвил Сэндэл, прихлёбывая пойло, но Лоркан, как и всегда, остался глух к подобным колкостям.

— Именно. Так что я не знаю, почему вы так расстраиваетесь.

— Твою мать, но ты же служил с ними почти столько же сколько, и я! — сорвался на крик главарь корсаров. — Мы столько пережили! Неужели ты ничего не чувствуешь?

— Отвращение к нытику, стоящему передо мной, который некогда был великим воином.

Будучи пьяным, капитан не успел сообразить, как запустил бутылку в своего подчинённого и как ринулся в след за ней. Однако в голове успела мелькнуть мысль, что ему в таком состоянии не выстоять.

Сэндэл на лету сбил Лоркана с ног, обхватив за талию. Удар спиной о мишень не сильно выбил дух из сержанта, ибо он сразу же принялся молотить по рёбрам командира.

Опьянённое состояние давало как преимущества, так и недостатки. Боль капитан чувствовал приглушённо, но вот его меткость оставляла желать лучшего.

Освободив левую руку, он попытался врезать младшему офицеру в челюсть, но промазал и лишь слегка проехался по зубам. Тем временем, сержант решил сменить тактику и, сконцентрировав все усилия, оторвал командира от земли и отпихнул от себя. Далее, не теряя ни секунды, он с прыжка ударил капитана носком в грудь.

Падая, Сэндэл сильно ударился головой о стул, но даже и не думал сдаваться. Лоркан спокойно наблюдал, как капитан поднимается. Сэндэл попытался провести обманный манёвр, но получилось максимально неубедительно, и главарь корсаров пропустил болезненный удар в живот. Всё же ему удалось уличить момент, и он всадил локоть в лицо сержанта, но это была лебединая песня капитана. Лоркан, моментально опомнившись, ударил синхронно ладонями по ушам старшего офицера и провёл подсечку.

Капитан рухнул на пол и понял, что не в состоянии встать.

Сверху возвышалась фигура Лоркана.

— Я не думаю так, капитан. Просто решил, что этот поединок вас взбодрит, — он протянул руку Сэндэлу, но тот не подал свою.

Подождав несколько секунд, мясник начал убирать устроенный ими беспорядок.

Наконец поднявшись, Сэндэл направился к двери и, бросив последний взгляд на Лоркана, убедился своей правоте — именно так о нём его солдат и думает, а возможно и все остальные.

* * *

Ульве открыл глаза, но в этот раз боли не было. Наоборот, умиротворяющее спокойствие окутывало как тёплое одеяло в холодную ночь. Медленно покрутив головой, юноша увидел рядом с собой воина в багровом. Тот, заметив, что просвещённый проснулся, произнёс:

— Мы скоро будем дома, господин, — раздался искажённый динамиками шлема голос.

Опять это слово — дом...

Ульве приподнялся в своём кресле и внезапно ощутил лёгкую тряску. Оказывается, он был на заднем сиденье аэрокара, который нёсся по полностью свободной дороге.

Глянув в окно, юноша увидел бесконечный сине-бирюзовый океан, заполнявший всё пространство насколько хвата-

ло глаз.

Однако это был только вид сбоку. Переведя взгляд на лобовое стекло, Ульве уже знал, что увидит там — Красный шпиль.

Цилиндрическая красная башня тянулась к небу на высоту около двухсот метров. На её вершине было многогранное помещение, крышу которого венчала пылающая «Земля».

Ульве понятия не имел, что его там ждёт, но почему-то туда ему хотелось меньше всего. В размышлениях о грядущем, вновь накатило чувство обиды за то, что его оставили одного какие-никакие, но, как ему казалось, верные товарищи и скоробь о кончине учителя.

Через какое-то время быстрой езды они наконец прибыли. Пятиметровый энерго-барьер, разграничивающий мост и остров, погас, и они въехали на территорию Багрового ордена.

Ученик просвещённого невольно начал вспоминать какие-то события, которые произошли с ним на этом острове. Он наконец начал покидать это место всего пару лет назад, а за пределы планеты с Григорием вообще отправился впервые на задание с корсарами.

К своему стыду, Ульве ощутил гнев от того, что учитель так долго держал его тут взаперти, пока другие просвещённые и их ученики разъезжались как по планете, так и по всем доступным местам в галактике.

Слева по дороге возвышались каменные казармы часо-

вых. Могучее сооружение скорее напоминало форт из века пороха, разница была лишь в арсенале. Из огромных бойниц торчали дула разного вида смертоносного оружия, вдоль стен ходили часовые, оглядывая всё пространство вокруг. Сразу напротив них были широкие тренировочные площадки, где и в этот момент тренировались их молодые собраты, готовясь стать карающей дланью Ордена. Несколько десятков человек проходили полосы препятствий, а выкрики приказов было слышно отчётливо, как будто сержанты-часовые были внутри аэрокара.

Ульве вспомнил, как Григорий рассказывал, что часовых набирают из детей сирот, прошедших строжайший психологический и физический отбор. Так как книга Основ, по сути, запрещала создание детских домов, дети, оставшиеся без родителей, сразу распределялись в определённые заведения, которые определяли их судьбу до достижения ими совершеннолетия. Так юноша узнал от учителя, что девушку капитана Сэндэла Катарину, после смерти её родителей от вируса, распределили в Атенеаль — учебное заведение, готовящее сирот к научной деятельности. В возрасте шестнадцати лет Катарина выбрала направление педагогики, куда брали исключительных кандидаток и кандидатов, ибо передавать свои знания детям может отнюдь не каждый. Эта тяжёлая профессия была одной из самых почитаемых.

Но по каким конкретным признакам ответственные люди выбирали часовых, Ульве не знал.

Далее вдоль дороги стояло здание, о котором юный просвещённый не знал почти ничего, кроме того, что там обитала женская часть Ордена. Он редко видел, как кто-то выходил оттуда или входил. И даже чем занимаются эти женщины, ему никогда не рассказывали.

Впрочем, ему, почему-то, это никогда и не было интересно. Всё его детство и молодость Ульве занимала мечта стать просвещённым, достойным учителя. И вот, внезапно, всё обратилось в прах.

За своими мыслями юноша не заметил, как аэрокар подъехал прямо к шпилью. Трое вышли из машины и направились к широким полукруглым ступенькам. По краям, через каждую третью ступеньку располагался высокий штандарт, на котором была изображена горящая планета, а около каждого штандарта стоял часовой.

Сам по себе шпиль был аскетично оформлен по сравнению с дворцом миркелийского совета. Дверей внутрь не было как таковых, а убранство первого этажа больше напоминало огромную келью. Впрочем, к этому Ульве давно привык.

Воины сопровождали его до квадратного лифта, стоявшего почти в самом центре и занимавшего почти пятую часть помещения.

Двери распахнулись, и юноша в одиночестве вошёл внутрь. Кабина стала подниматься, увеличивая скорость с каждой секундой. Где-то на середине пути Ульве скинул

«плащ» отрешённости, внезапно поняв, чей аудиенции он удостоился. И как раз к моменту, когда он вспомнил, когда в последний раз видел Эклэри — архипросвещённого, кабина остановилась.

Но двери не раскрылись. Вместо них начал открываться люк на потолке, а пол вместе с Ульве подниматься.

Уже через мгновение он оказался в округлом помещении. Его, условно, можно было разделить на две части. В верхней располагались стеллажи книг, идущие по окружности, а над ними широкие окна, образующие купол. В нижней же не было ничего кроме лестницы, ведущей наверх, настенных ламп, выключенных из-за ненадобности в это время суток, и обычного деревянного стола.

— Здравствуй, Ульве, — певуче прозвучал мягкий голос.

Юноша сосредоточил взгляд на говорившем, но помещение, несмотря на свою, казалось бы, простую форму, было выстроено так, что на том самом месте, где сидел человек, сгущались тени.

— Здравствуйте, Эклэри, — и после приветствия Ульве склонился в низком поклоне.

— Расскажи, где твой учитель?

В этом вопросе было столько доброты и искренности, что юный просвещённый удивился моментальному порыву выложить всё, что знает. Он даже открыл рот, но осёкся. Мысли снова начали путаться в голове, вызывая физический дискомфорт.

В этот момент его новый глаз внезапно засёк какие-то изменения в помещении. Вдруг Ульве осознал, что он не вспоминал о нём с момента пробуждения в аэрокаре. А сейчас он как будто заставил юношу сфокусировать всё внимание на темноте за спиной Эклэри.

Да, сомнений не было. Глаз засёк... дуновение? Ульве видел, как под силой чьего-то дыхания перемещается пыль в воздухе.

— Ульве? Что-то случилось?

— Я... я не помню. Только знаю, что он мёртв. Точнее, мне так сказали, — неуверенно выдавил из себя юноша.

— Кто убил его? — прогремел вопрос.

Глаз не подвёл Ульве. Из темноты появился человек ростом ровно сто восемьдесят сантиметров... юный просвещённый с интересом наблюдал, как на его сетчатке вырисовывается информация. Когда подробный отчёт закончился, помещение внезапно озарилось светом.

Ульве одёрнулся от неожиданности. Каждый уголок помещения был виден, как будто над потолком зависла гигантская лампа.

Юноша зажмурил бионический глаз и всё потухло... Затем снова открыл, и вновь стало светло.

Из транса его выбил властный голос.

— Что, не можешь совладать с новой игрушкой? Откуда она у тебя? — жёстко потребовал говоривший.

В ту же секунду глаз начал сканировать алый доспех гово-

рившего, выискивая и находя слабые места в броне.

Ульве, перепугавшись, быстро закрыл оба глаза и опустил голову вниз.

— Я не помню, я ничего не помню. Меня контузило в битве с химерами... — быстро начал выпаливать юноша.

— Химерами! — перебил часовой.

— Да, да. Было сражение...э-э...

— Где было? — воин в алом вышел из-за стола и направился к Ульве.

— На Октус...

— Конкретно!

Часовой схватил парня за загривок, и Ульве ощутил, что его ноги перестали касаться земли.

— Я не помню... — начал мямлить Ульве, но часовой не унимался.

— Отвечай иначе я выкину тебя в окно!

От испуга юноша открыл глаз, и тот моментально стал выдавать тактическую информацию по дезориентации, а затем и ликвидации противника. Сам не понимая как, но Ульве стал сжимать кулак для удара, хотя всё его нутро противилось этому.

— Прекратите, Волфганг. Я вижу, он не врёт, — раздался всё такой же мягкий голос Эклэри.

Ульве узнал это имя. Его произносили шёпотом. Волфганг — алый молот. Первый часовой, их бессменный лидер. Человек, убивавший несогласных с просвещёнными

ещё на корабле, уносившим их из родного мира.

Юноша не мог отвести взгляд от серо-бледных злых, но в тоже время пронзительных орлиных глаз этого палача.

Часовой медленно поставил Ульве обратно на пол и процедил сквозь зубы.

— Мы можем вытянуть из него всё.

— Нет нужды, — тут же резко вставил архипросвещённый. — Ульве бы не стал нам лгать. Не так ли?

Ульве смотрел в освещённый при помощи бионического глаза лик Эклэри. Ничем ни примечательный старик улыбался как будто понимая, что юноша видит его.

Такое улыбчивое, простое лицо скорее походило какому-нибудь работяге... Ульве отогнал неуместные мысли и вместо прямого ответа выпалил:

— Я готов пойти на пытки, чтобы доказать свою верность.

Эклэри одобрительно кивнул, а часовой саркастично фыркнул, продолжая сверлить юношу глазами.

— Вот видите, Волфганг? Мы не имеем права сомневаться в нём.

На волне уверенности от таких слов Ульве решил не останавливаться:

— Когда я могу приступить к своим обязанностям в качестве просвещённого?

— Ты ещё не просвещённый, — резко осадил его Волфганг.

— Но...

— Я не могу тут спорить, — снова вмешался Эклэри. — Григорий мёртв, но он не повышал тебя в звании. Значит, это должен сделать кто-то другой, — архипросвещённый встал, и подойдя к юноше, вновь заговорил. — Послушай, Ульве, тебе ещё многому надо научиться. Ты должен раскрыть свой потенциал. — собеседник сделал небольшую паузу. — Найти свой дар, если пожелаешь. — Эклэри добродушно улыбнулся, а Волфганг презрительно фыркнул. — Ты отправишься в Райские угодья. Там у тебя будет новый учитель, потерявший своего ученика в этом суровом мире.

У Ульве замерло сердце, когда он понял, в какое место его направляют, но приложил усилия, чтобы не выдать беспокойства. Тем не менее, архипросвещённый это уловил.

— Там станет ясно, достоин ли ты. Ведь, чтобы наставлять людей, просвещённый должен быть умудрён и закалён сам. Иначе они увидят в тебе фальшь, — добавил он. — Но не бойся, я верю — тебя ждёт великое будущее.

Юноша лишь кивнул, не до конца осознавая, приободрили или его в итоге слова Эклэри или нет.

— Прощай, Ульве, — всё также мягко и без изменений в мимике закончил Эклэри.

И юноша, слегка покачиваясь, побрёл к лифту.

Глава 2. Мгла

Доверие. Оправдывайте доверие. Вы можете подвести себя, но не имеете права подвести других. Дать слово себе — ничего не стоит. Но давая слово другому, вы связываете себе обетом.

Ценнее вашего слова есть только одно. Клятва Легиону.

Книга основ. Закон социума. Часть 2. Пункт 13

Взялся за меч, так не убирай, пока дышат твои враги.

Неофициальная клятва легионера

Скентиум. Холодный и злой мир острых скал, ледяных морей и тундровых пустошей. Его терраформировали лишь слегка, дав необходимый уровень кислорода и восстановив атмосферу. Планета была в четыре раза больше Земли, но на треть её уже покорил человек. Серая сталь городов и чёрные облака расплзались по поверхности как зараза, но это было неизбежно. Такова была воля человека.

Капитан летел над самой огромной кузней во вселенной. Инферно. Её дым и пламя были видны ещё с орбиты. Занимая площадь в целый город, она имела сотни цехов, ангаров, перерабатывающих комплексов, тысячи труб и других построек. И это была первая кузня, работающая на собственной мощности, без использования Вионивого завода.

А всё потому, что на Скентиуме был обнаружен новый вид топлива — Адский огонь, давший толчок развитию индустрии и всех смежных отраслей.

Но и цена была велика — загрязнение планеты шло полным ходом.

Сэндэл даже почувствовал мимолётный укол грусти по этому поводу. Не успела мысль оформиться, как перед ним предстала столица, тут же занявшая всё внимание.

Ранее в этом месте находился огромный паутинообразный разлом, тянувшийся на многие километры, как в глубь, так и в разные стороны. Проведя все возможные геологические исследования, учёные пришли к выводу, что его появления — это следствие очень древней тектонической активности, угасшей многие тысячелетия назад.

Несмотря на то, что планета не могла дать необходимый уровень кислорода для нормального дыхания, и как следствие, ей требовался определённый этап терраформирования, она была настолько богата полезными ископаемыми, что было принято единственно верное решение — начать колонизацию планеты с застройки именно этого разлома, чтобы сократить необходимое количество куполов для сохранения воздуха поселенцами.

Нынче же это был город Эвентус, чья громада буквально вгрызалась в стены разлома, заполнив металлом зданий все возможные участки и даже расширившись в каких-то особо важных областях. Купола давно убрали, но даже сейчас, вы-

ше «уровня моря» торчали лишь несколько десятков шпилей.

Кроме того, с поверхности уходило неисчислимое множество дорог и путей, расходившихся во всевозможные стороны и развозя сотни тысяч пассажиров и грузов в разные уголки планеты. В воздухе было не менее оживлённое движение от сотен воздушных судов, отчего пилоту приходилось постоянно менять курс, направляясь к нужной посадочной площадке.

Сэндэл прикрыл глаза из-за внезапно нахлынувшей головной боли. Он ещё не до конца отошёл от долгой попойки, которой был занят всю дорогу. Кроме того, до сих пор сильно болела нога, чуть не потерянная им во время поединка с Григорием. Лишь ценой невероятных усилий и долгих часов за работой Зэмбе удалось по крупицам восстановить кости и сухожилия. Всё же часть голени пришлось заменить синто-плотью.

Но больше всего главаря корсаров беспокоил «разнос», ждущий его на поверхности планеты.

Остаток пути он провёл в невесёлых раздумьях, и так как его вели по однообразным коридорам, то и по дороге к новым покоям Катарины капитан так и не очухался.

Пока дверь в его временное пристанище не распахнулась...

— Сэндэлиус Кёрт! Какого хрена?! — Катарина стояла прямо перед дверью, видимо ей сообщили, что он прилетел.

Сэндэл не сразу нашёлся, что ответить, но через пару секунд пришёл в себя.

— Прости меня, — устало выдавил корсар.

— Вот так просто?! — взорвалась девушка. — Ты отнял у меня жизнь!

— Катарина...

— Нет уж! Я была готова многое стерпеть: твои постоянные...командировки; риск, что ты никогда не вернёшься; твой род занятий. Но вот так просто взять и забрать меня из дома без какой-либо надежды вернуться? Это уже верх...

Сэндэлу нечего было ответить. Её обвинения были более чем справедливы. Он выдохнул и попытался приблизиться, протягивая руки.

— Нет, — разъярённая женщина решительно отстранилась. — Уходи, пожалуйста.

Корсар прекрасно знал, что лучше так и поступить — у них уже случались ссоры, хоть и никогда таких масштабов. Он опустил руки, но остался стоять, обдумывая следующие слова.

— Тебе есть за что меня возненавидеть, — твёрдо начал капитан. — Но пусть это прозвучит как оправдание — ты прекрасно знала, с кем в отношениях уже много лет, — Катарина невесело усмехнулась на этой фразе. — Я бандит и убийца, хоть и прикладываю много усилий, чтобы легализовать свою работу. Не уверен, что когда-нибудь смогу измениться полностью... — он помолчал немного, прикидывая,

стоит ли сказать что-то ещё. В итоге решился. — Архитектор бы этого не одобрил, но я скажу: моё последнее задание привело меня к тому, что я увидел просвещённого, сражающегося на стороне химер, — девушка со смесью ужаса и недоверия посмотрела на корсара. — Из-за него я потерял очень много людей, с которыми жил и воевал не один десяток лет, — капитан почувствовал, как его голос дрогнул, когда он произнёс эти слова, но не подав вида, продолжил. — Просвещённый ушёл, и пока я не найду его и не убью — мне не вернуться ни к тебе, ни к прежней жизни, ни к какой-либо ещё.

Катарина продолжала смотреть ему прямо в глаза, ничего не говоря.

— Пока меня не будет, определись, останешься ли ты со мной, — не сказав больше ни слова, Сэндэл развернулся к двери и дал команду на открытие.

— Вернёшься ли... — слышалось за спиной голос, полный страха и грусти.

— Я всегда возвращаюсь, — оборачиваясь, уже мягче ответил главарь корсаров.

— Телу — время, душе — вечность, Сэнд, — Катарина была серьёзна. — Сделай так, чтобы твоя душа не умерла раньше тела. Иначе, зачем вообще жить?

Капитан задумчиво улыбнулся, кивнул и вышел из комнаты.

Там его уже ждали два легионера Ноократ Тиранис. Это

был не конвой, но почётное сопровождение. Их воронёно-чёрные доспехи класса «Гастат» были покрыты красной гравировкой, говорившей, что те служат в столичном мире. На правой груди каждого красовался герб их государства — раскрытая белая книга, из которой расходились золотые линии. Символ того, что только в постулатах Книги есть свет.

Коротко отдав честь, солдаты пришли в движения, а главарь корсаров за ними.

Новое жилище Катарины находилось в одной из центральных башен города, в котором жили высшие чиновники, следившие не только за работоспособностью столицы, но и прилежавших территорий, что уже говорило о высоком уровне доброжелательности Архитектора. По крайней мере, капитан хотел в это верить.

Но в разгар рабочего дня в богато украшенных коридорах было тихо, если не считать прислугу со своими роботизированными уборщиками.

К удивлению капитана, они не пошли на стыковочную платформу, откуда его мог забрать воздушный транспорт. Напротив, их делегация зашла в помещение, которое казалось бытовым, если не считать бронированной двери, открывшейся только после проверки кодов доступа. Внутри ждал лифт, куда корсар зашёл один.

Спуск был воистину долгим. Внутренний хронометр Сэн-дэла подсказал, что он находился в движении не менее десяти минут, прежде чем двери снова открылись.

Капитан вышел на довольно широкую площадку и, оглянувшись, увидел ещё несколько лифтов, стоящих полукругом перед огромными стальными дверями около пяти метров в высоту и двух в ширину.

Вокруг не было ни души и даже намёка на охранные системы, но корсар не сомневался — их здесь в избытке.

Лифт за его спиной не закрылся, чему корсар был в душе рад.

Более не медля, Сэндэл двинулся к дверям, которые начали беззвучно открываться перед ним.

Зайдя внутрь, капитан встал в ступор от увиденного.

Он стоял в огромной подземной пещере, но если бы Сэндэл не знал, что он спускается под землю, то поклялся бы что это звёздное небо: светильники были так высоко, что напоминали звёзды. Стены и пол пещеры были из гладкого чёрного камня, такого же глубокого цвета как космос.

И посреди всего этого тёмного великолепия стояло трапезиевидное здание из белого как снег мрамора с золотыми прожилками. Оно излучало свет, которого хватало, чтобы осветить большую часть пещеры.

Капитан ни разу не был здесь. В первый и последний раз он встречался лично с Рейном ещё на величайшей стройке современности, которая стала кузницей Инферно.

Подойдя ближе, корсар окончательно убедился в том, что здание на самом деле не такое уж и большое. Всё дело в свете, который оно излучало. Входом служила двухстворчатая

золотая дверь с изображённой на ней барельефной головой. Вместо волос у неё вились сотни змей. Брови были сведены в гнев, а рот источал немое проклятье.

Капитану внезапно пришла в голову мысль — откуда у диктаторов такая страсть к странным, но великолепным сооружениям? Канцлер Гахарит держал в прямом и переносном смысле всю власть в своих руках. Несомненно, так делал и Архитектор Рейн, но если канцлер выстроил свой дворец в древнем стиле в самом центре столицы, показывая всем своё величие, то глава Ноократ Тиранис обошёлся уютной «усадебой» где-то возле ядра планеты.

Не успел главарь корсаров найти какой-то ответ, а двери уже начали раскрываться, и он двинулся вперёд, ведомый силой этого строения.

Стены помещения не были ничем отделаны и выглядели так же, как и всё остальное здание — золото и белый мрамор. Почти сразу от входа тянулся длинный мраморный стол, вырастающий прямо из пола. Сам Рейн сидел на троне из странного пульсирующего материала, чем-то отдалённо напоминающего сталь.

Подходя ближе, Сэндэл увидел, что из-за трона тянутся кабели, подключаясь к...

Каждый раз капитан не мог подобрать правильного слова, чтобы описать одеяние Рейна. По виду это был стихарь с длинными рукавами и капюшоном сделанный из мелких круглых металлических пластин. Проблема была в том, что

не было понятно, как эти пластины скреплены между собой. Создавалось впечатление, что они будто держатся магнитным полем. Их движения, когда Архитектор перемещался, были не связаны с обычной физикой одежды.

Ну и конечно капюшон. Он накрывал голову лишь на пару сантиметров ото лба, но кольчужная сетка, закрывавшая лицо, всегда висела статично.

С десяток мелких проводов уходили прямо в ладони. Было видно, как по ним что-то движется. Энергия, информация, топливо? Для капитана эта была одна из тех загадок, на которые он не знал точно, нужен ли ему ответ.

— Здравствуй, мальчик мой, — заскрежетал голос. — Вот мы и снова встретились.

* * *

Олум Такеш, последний оставшийся в живых главарь пиратской банды Гарнафакса, сидел в каюте и перебирал карабин. Это было не его оружие. Своё Олум выбросил, когда он и его товарищи пытались убить корсаров на планете Рубикон в день свадьбы одного из них. Самоубийственная задача обернулась так, как он и ожидал — бойня. Его подчинённых перебили, других двух главарей тоже.

«Знал бы прикуп — жил бы в Оттоле» — мелькнуло в его голове.

Да, сейчас уже было поздно жалеть. Он пару месяцев пе-

реваривал весь этот кошмар в голове. Он всё потерял: дом, корабль, команду. Но он жив. Достаточно ли этого? Олум знал, что нет. Потому что это временно. Его «наниматели» уже шли к нему, чтобы наконец-то дать новое безумное задание.

Собрав в крайний раз карабин и поставив его возле кровати, бывший главарь пиратов стал ждать. Прошло не более часа, как в его каюту вошли двое, одетые в багровые сарры без рукавов, под которыми были того же цвета рубахи.

Олум всё никак не мог свыкнуться, что эти двое так похожи. Конечно, он и раньше видел двойняшек и близнецов, но у этих были неестественно похожие лица. Было что-то неправильное в настолько одинаковых людях. Совпадение вплоть до мельчайших деталей. Даже волосы были одинаковой длины. Синие глаза, бело-желтоватые волосы на голове и добродушные улыбки, так не сочетающиеся с тем, что те обычно говорят. На сей раз с ними зашёл ещё один человек. Часовой, насколько знал пират.

— Время пришло, — начал один из них. — Мы выяснили всё, что нужно. Твоя цель захватить человека — ученика просвещённого. Его зовут Ульве Гард. Уже сейчас он направляется в Райский уголок, что под управлением IV легиона. Если конкретно — планета Рай I, он же Эдем.

Олум даже раскрыл рот от изумления и тупо уставился на говорившего.

— Тебе всё ясно? — спросил второй, не переставая улы-

баться.

— Я догадывался, что вы больные, но надеялся, что всё-таки не тупые, — даже не пытаясь сдерживаться выпалил Олум. — Как я, по-вашему, это проверну?

— Легион в упадке из-за непрекращающихся боевых действий на планетах с местной фауной, — снова заговорил первый, казалось не заметив оскорбления. — Тем более мы прекрасно знаем, что у пиратов есть выход на местные рынки и...

— Всё не так просто! — перебил его оппонент, вставая. — Да, наши торгуют там всякой запрещённой, но, чтобы провести её на планету, им приходится пользоваться официальными патентами на торговлю! На планете нет пиратов, как в портах Аргиана, нет банд, как в башнях Вечного. Там всё сплошной режимный объект, — Олум на секунду остановился, задумавшись, а затем спросил. — Вам же он живым нужен?

— Разумеется, — со вздохом раздражения ответил второй.

— Это невозможно, — подытожил пират, отмахиваясь. На какое-то время повисла недобрая тишина. Наконец, вперёд вышел второй.

— Ты осмелел, Олум. Мы нашли тебя голодного и ободранного, выходили тебя, а теперь ты нам отказываешь? — просвещённый смотрел прямо в душу пирата, но тот уже слишком долго боялся, чтобы просто надломиться сейчас.

— Иди ты в жопу, законник, — практически выплюнул он. — Это по вашей вине я скитался в горах, питаюсь сырыми ящерицами и корнями.

— Винишь нас? Вы не справились с Небесными корсарами, — парировал второй.

— Шансов не было, — ответил Олум, затем немного помолчав, добавил. — Я думаю, мы не и должны были справиться. Я думаю! — он повысил голос. — Мы должны были проредить их ряды, ослабить, но не более. Вы послали нас на смерть...

Второй просвещённый ещё чуть шире улыбнулся и кинул короткий взгляд в сторону первого, затем вернув голову обратно, заговорил.

— Ты явно умнее своих почивших коллег, — в этих словах слышась такая неприкрытая издёвка, что пират непроизвольно скривился от злости, а просвещённый продолжал. — Тем не менее. Выбора у тебя нет. Снова.

Первый просвещённый сделал шаг вперёд, встав рядом со своим братом.

— И всё же в этот раз нам нужна твоя лояльность, — внезапно улыбка всё-таки сошла с его губ. — Твои люди на планете послужат нам намного лучше. Мы с тобой отравим только пилота, — просвещённый ткнул пальцем в третьего человека в багровом, который всё это время молча стоял у двери.

Пирата внезапно осенило.

— Погодите! — он сделал паузу. — Так у вас есть свои

люди на планете! Этот ваш Ульве один что ли туда летит? Вы опять меня обмануть решили, суки!

— Они не могут нам помочь! — также вспыхнул второй.
— Сам подумай! Зачем нам ты, если мы можем всё сделать сами?

— Не знаю, — неуверенно буркнул Олум, глядя то на одного, то на другого. — Вы — любители обманывать людей. Что, например... — и тут пират осёкся. «Не хочешь слушать ложь — не спрашивай» — проскочило у него в голове. Что будет, если он спросит про Лазло Бенкса и его корабли. Это ведь эти сволочи его наняли. И никого не осталось.

Двое просвещённых спокойно ждали.

— Итак. Вы хотите украсть своего же человека, — наконец произнёс пират.

— Всё верно, — подтвердил первый. — Ты и наш пилот прибудете на планету как торговцы, те самые патенты и товар для маскировки уже подготовлены. Далее, ты свяжешься со своими людьми, и вы разработаете план по захвату Ульве Гарда. Чтобы купить лояльность своих же — отдашь им товар и деньги. Наш пилот, Олаф, — как только прозвучало имя — часовой вышел чуть вперёд, глядя на Олума. — Раздобудет транспорт, на который ты посадишь ученика просвещённого. Вот и всё.

— И всё? — удивлённо переспросил пират. — А я?

— А ты останешься на планете, — просто ответил просвещённый. — Жизнь — твоя награда.

— Гарантий, что ваш пилот меня не грохнет в конце, видимо, не будет? — искренне улыбнувшись спросил Олум.

— Начинай собирать вещи. Скоро у вас пересадка, — отрезал второй, а затем двое братьев синхронно развернулись и вышли из каюты. Олаф, естественно, ушёл за ними.

— Ну да, я так и думал, — обречённо прошептал Олум, садясь на койку и беря в руки карабин.

* * *

Рейн попросил Сэндэла рассказать с самого начала, что произошло с ним и его корсарами за последние несколько месяцев.

И капитан поведал о сообщении от Архитектора, в котором говорилось, что нужно вернуть украденное пиратами топливо; о пойманном следе, который привёл Небесных корсаров на захолустную планету; о внезапно тяжёлом сражении; о том, как дорога привела их на Аргиан, где они были пойманы просвещённым Григорием Герценым, как он шантажом заставил главаря корсаров работать на него; о встрече с Канцлером; о нескольких сражениях; и, наконец, о мясорубке, перед которой Григорий явил своё истинное лицо миру — предал человечество.

Но внезапно для Сэндэла, Рейн заговорил совсем о другом.

— Я думаю, Катарина придёт в себя, — но прежде, чем

капитан смог что-то ответить, Архитектор продолжил. — У меня есть для неё работа по душе.

Он сделал неопределённое движение пальцами, и, внезапно, часть стола, за которой сидел капитан, разделилась на квадратные секции. Сэндэл заметил, как на ближайшем квадратики появился рисунок. Корсар хотел наклониться поближе, чтобы рассмотреть, но не успел — изображение начало подниматься, а затем, растягиваться в разные стороны, пока не стало объёмной схемой.

Несколько секунд Сэндэл изучал, парящую перед ним голограмму.

— Это... Космопорт? — неуверенно спросил он наконец.
— Ботанический сад.

Капитан обернулся в сторону Рейна, не скрывая удивления. По бокам схемы были выведены данные о масштабе строения. Оно было непередаваемо огромным.

— Я хочу собрать коллекцию всех растительных живых организмов в одном месте. Это грандиозный проект во всех смыслах, — если бы металл мог выдавать благоговение, то оно звучало бы так же, как голос Архитектора в этот момент.

Главарь корсаров подумал о десятках тысяч опытов и не только над растениями, но вслух решил высказаться более тактично.

— Научные изыскания?

— В том числе! — громыхнул глава легиона. — И я думаю, ваша прекрасная Катарина, будучи обладательницей

выдающихся знаний в области ботаники, которые она почерпнула на вечно зелёно-синей и такой похожей на Землю планете — будет очень рада присоединиться к этому проекту. Катарина погрузится в работу, пройдёт время, и она оттаёт.

— Спасибо Вам, — искренне произнёс Сэндэл.

— А теперь к делу! — резко бросил Архитектор, снова двинул пальцами, и одно изображение тут же сменилось другим. Эту схему капитан узнал мгновенно. Лишь какие-то элементы были ему незнакомы, на что он сразу обратил внимание.

— Корабль типа Гладиус, но...

— Судя по тому, что вы рассказали, — прервал Рейн бесцеремонно. — Просвещённый обладал вионивым оружием. Его не могли выковать на Аргиане, — корсар уже хотел задать естественный вопрос, но Архитектор сразу приступил к ответу.

— По рангу вам не дано знать такие вещи, — Сэндэл резко выдохнул, он уже отвык от подобного рода общению с собой. Тем временем человек в железной маске продолжал. — Но несмотря на все действительно удивительные свойства виония, изготавливать что-либо из него задача высшей сложности. Холодное оружие, как ваш клинок, на мой взгляд, лишь безрассудное расточительство. Именно поэтому в моём легионе ни у кого, включая главнокомандующего, нет такой привилегии.

— Учту ваше мнение, — бросил капитан, но Рейн не обратил внимания, либо просто не пожал этого сделать и продолжил лекцию.

— Помимо вионивых кузниц, которые стали основами Сердец городов, были ещё малые кузницы и сверхмалые. Одну из них, сверхмалую, вы видите здесь, — дрогнул лишь один палец, и в воздухе остался как раз тот самый элемент, палуба корабля, которую он никогда раньше не видел. — Такая кузница есть на одном из Гладиусов, прикреплённых к одному легиону, дабы тот мог оказывать ремонт вионивых двигателей, если флот находится далеко от заселённых планет, — закончил монотонный экскурс Архитектор.

— Значит, Амадеус...

— Именно, — снова оборвал Рейн, и Сэндэл с трудом скрыл раздражение. — И да, ввиду особой важности этих коралей, их оборудовали усовершенствованными, на тот момент, маскировочными полями. Поэтому у вас и не получилось его вовремя засечь в своё время. Но это всё не самое страшное.

— Боюсь спросить, о чём же речь, — пренебрежительно брякнул корсар.

— О двух десятках кузнецов-учёных, обученных обращаться с этим материалом, — загробным скрежетом произнёс Рейн. — Эти люди обязаны строжайше охранять свои тайны. Но в руках такого существа, как Григорий, даже они могут расколоться. Представь, какие знания достанутся это-

му отбросу?

Сэндэл ответил не сразу. Всё это было более чем серьёзно, и впервые он задумался о том, что, возможно, он не вытянет эту миссию... Но у архитектора, видимо, было другое мнение.

— Так вот. Вполне очевидно, что Григорий хотел захватить и твой корабль. Теперь к тому, что ты говорил про портал, — главарь корсаров даже не делал попыток что-то сказать. — У меня нет ни одного предположения, что он хочет, но вряд ли это сулит лучшие времена для человечества. Ты должен его найти.

Сэндэл устало вздохнул, теряя какое-либо желание продолжать.

— Он ушёл в портал, и тот развалился. Амадеус также скрылся. Торчать над Октус V, и ждать его возвращения нет возможности — Эрайши этого не позволят. Тем более Канцлер тоже в курсе случившегося, пусть теперь он этим занимается. Мои силы исчерпаны...

Пурпурные угольки, не мигая смотрели на капитана. Так продолжалось около минуты, от чего Сэндэлу стало не по себе. Наконец металлический рой, который был голосовыми связками Рейна, снова зазвенел.

— Когда-то я знал человека, бросившего вызов своему легиону и самому Канцлеру, человеку, который отстаивал свои принципы и память великого воина и своего наставника. И вот, когда люди столкнулись с, возможно, самым длинным

ножом, воткнутым в их спины, человек, волею судьбы, сражавшийся на переднем крае обороны, и, возможно, отсрочивший катастрофу, потеряв своих воинов, говорит, что не хочет продолжать бороться... Может, Григорий не зря нас предал? Может, у людей нет будущего?

— Может и нет...

Не успел капитан договорить, как стальной кулак с нечеловеческой скоростью взметнулся и ударил об стол, от чего по бело-золотому мрамору побежала паутина трещин, а голографическое изображение на мгновение пропало.

— Памятью Августа, как ты смеешь такое говорить? Что сказано в Книге? Что завещали Пращуры, подонок?

Сэндэл молчал, но в нём закипал гнев.

— Ты — капитан в легионе человечества, тебе чуть более сотни лет, из них две трети ты воюешь! О какой слабости может идти речь?

— Нельзя убивать вечно, — буквально выплёвывая от злости слова начал Сэндэл. — Но смотреть, как рядом умирают братья по оружию столько лет — ужасная мука. Вы не воин, Архитектор, вам не понять этого.

По позе Рейна, капитан понял, что тот слегка расслабился, но, возможно, это было затишье перед бурей. Он наклонился к корсару, а его одежды при этом не издали почти ни звука. Капитан не дал слабину и остался смотреть прямо в огоньки глаз.

— Если воином считается только тот, кто убивает во имя

нашего дела с оружием в руках — то я не воин. Но говоря о муках или о жертвах, уж поверь мне — ты знать ничего о них не знаешь.

Сэндэл вспомнил всех тех, кого потерял с момента, когда его назначили командиром и до сего дня. Вспомнил всех, кого убил: от химер до гражданских. Вспомнил улыбку Катарины и ухмылку просвещённого. Вспомнил, как Август вручал ему Губитель, и как клинок выпал из его рук, когда капитан сражался с Григорием.

Осознание пришло внезапно: позади него человечество и всего его близкие люди — все они нуждаются в защите. А впереди тьма войны и страданий, которая придёт за ним, хочет он этого или нет, будет с ним Катарина или нет. У него нет выбора, но он ему и не требуется.

— Мне нужны люди. На корабль и в роту.

— Так-то лучше, — звякнул Рейн. — У меня уже всё готово, пошли!

Архитектор сделал неопределённый жест рукой и небольшой участок пола рядом со стеной немного опустился, а затем еле слышно ускользнул в боковую нишу. Капитан готов был поклясться, что не видел ни намёка на какие-либо стыки на этом мраморном полу.

Рейн молча поднялся и, казалось, буквально паря по воздуху отправился в открывшийся проход, левитируя над лестницей, пока главарь переступал следом человеческим образом.

Через сотню метров по коридору из чёрного камня двое зашли в помещение, больше напоминающие ангар. И первое, что смог промолвить капитан:

— Не может быть и речи...

— В каком смысле? Почему?

— Во имя Книги и Пращуров, что это за кошмар?

— Это будущее!

— Чьё?!

Сэндэл, не веря своим глазам, смотрел на Рейна.

— Чьё это будущее, Архитектор?

— Наше, капитан. Ваше и моё. И других людей. Это новый виток в вечности. Альтернативное, но бессмертие, о котором так грезит человечество. Безотказность во плоти.

— Но это же... — начал главарь корсаров.

— Киборги.

Они стояли перед сотней монстров, лишь отдалённо напоминающих людей. По крайней мере, так это видел Сэндэл. Рейн, очевидно, считал иначе.

Ни у одного не было нормальной конечности. Всё было заменено на разного рода инструменты, оружие, другие какие-то приборы. Ноги были механические у всех до единого. Туловища тоже были мешаниной механизмов и лишь голова, и то не целиком, а в частности лицо, было не тронуто. Несмотря на то, что лица ничего не выражали, капитана не покидало ощущение, что все они кричат.

— У меня в роте у многих есть мехпротезы и импланты.

Вот их, с какой-то долей вероятности, можно назвать киборгами. А это что? Они же роботы!

— Ничего подобного. Это мыслящие люди, — обрубил Архитектор так, что показалось будто его голос может расцечь металл.

— Они состоят из железа процентов на девяносто! — воскликнул Сэндэл, а глава легиона спокойно добавил:

— Девяносто шесть и пятьдесят семь сотых приблизительно.

Корсар пропустил этот комментарий и продолжил:

— Их лица ничего не выражают. Чьей воле они подчинены?

Рейн набрал воздух со звуком кузнечного горна.

— Моей. Но могут подчиняться вам.

— Немыслимо. Роботы запрещены...

— Это не роботы! — громыхнул словно танк Архитектор.
— Они живы!

— Да? И что же им требуется для поддержания жизни?
— разошёлся в ответ капитан, не боясь кары. — Какой они делают выбор!

— Им не нужен выбор! Они служат своему легиону и лично мне. Как служили бы и в предыдущей жизни! А по поводу питания — портативные аккумуляторы, которые они сами себе заменяют, — будничным тоном ответил Архитектор и добавил. — Я выдам всё, что требуется. Кстати, не смотри на всё это многообразие инструментов — это опытные образ-

цы, так скажем. Вам достанутся немного менее технологически нагруженные модели, но более эффективные. Например, способные работать в открытом космосе и сражаться.

Сэндэл ушам своим не верил. Он ждал ещё каких-то слов, но собеседник просто оглядывал эти ожившие кошмары.

— Значит в предыдущей жизни они всё-таки умерли? — наконец спросил он, испытывая гнев, и при этом чувствуя себя нелепо.

— Можно и так сказать, — Рейн всё же повернул к нему, и его кольчуга еле слышно зашелестела. — Жизнь конечна, капитан. Даже эликсир молодости, что питает столько людей, не дарует жизни вечной, но это, — он указал на киборгов. — Даёт шанс людям продлить своё существование на благо человечества. Да, их прошлая жизнь закончилась, но они были живы, когда началось перерождение, — корсара передёрнуло, когда он слышал с какой жуткой интонацией произнесены эти слова, но всё это померкло после следующих слов Архитектора. — Они слышат нас сейчас и понимают всё, но ничего уже не могут сделать. Те, кого ты сейчас видишь, перестали быть полезны легиону в качестве обычных людей, либо даже вредили ему. Тогда я перековал их, в оружие, инструмент, что прослужит дольше и будет надёжнее чем обычный человек, но никогда не станет им вновь.

Капитан выдохнул.

— Хитро вы переступили положение Книги Основ, — он посмотрел в глаза ближайшему киборгу и попытался пред-

ставить, кем тот был до «перерождения». — Они обречены вечно мыслить, слушать и чувствовать, но ничего не мочь сделать.

— Ну как вечно? Большая из них будет оборудована лишь для одной цели — война.

— Конечно...

— А что такого? — в голосе Рейна, на сколько это возможно, послышалась издёвка. — Не вы ли не так давно говорили, что устали от кровопролития? Думаете, что один такой? Конечно, до конца нельзя отлучать человека от меча, ибо тогда он забудет, кто он есть. Но эти создания... Они облегчат нам работу по завоеванию галактики.

Сэндэл слышал столько непомерного высокомерия в словах Архитектора, что моментально подумал: — «А так ли плох Канцлер?» Но сразу же отбросил от себя эту мысль. Логика Рейна была понятна и проста, она отвечала потребностям людей и их целям. Но методы...

— У меня ещё вопрос, Архитектор, — тяжело начал корсар.

— Слушаю.

— Почему они все в крови?

— Как я уже сказал: процесс перерождения начинается с ещё живой плотью.

Сэндэл вздохнул.

— Мне не нужны эти бедолаги среди солдат.

— Капитан...

— При всём моём уважении, Архитектор, — он слегка повысил голос, но при этом стараясь говорить, как можно более уважительно. — Вид этих чудовищ плохо скажется на моих людях. Уверен, вы уже рассуждали о реакции своих солдат.

— Мои будут беспрекословно делать, что им скажут.

— Безусловно, но я думаю, вы понимаете, что я не об этом, — на это Рейн ничего не ответил, и капитан продолжил. — Если их оденут во что-то... В общем, будут в корабельной команде. Запру их в отсеках, где они не будут пересекаться с другими, — корсар сделал паузу. — Каковы знания этих существ?

— Конкретно эти модели имеют базовые навыки в механике, медицине и боевой подготовке.

— То есть...

— То есть не надо руководить каждым их действием. Вам я выдам более узконаправленных киборгов.

— Замечательно...

Они постояли ещё около минуты в молчании.

— Как ими управлять? — наконец заговорил Сэндэл.

Звенья слегка зашелестели, и Рейн достал из недр своего плаща нечто похожее на небольшой металлический обруч и отдал капитану.

Тот сразу понял, что его следует носить на голове. Венок был внезапно знакомого тёмно-серого цвета и казался просто металлическим, но коснувшись, корсар почувствовал некую эластичность и пульсирующие энергию. Ощущение

было трудно описать, но выпускать странное устройство из рук не хотелось. И прежде чем капитан окончательно сформулировал мысль у себя голове, Архитектор сказал вслух:

— Надень его.

Сэндэл так и поступил. И в ту же секунду всё его тело, начиная с головы пронзила боль. Он рухнул, если бы глава легиона не подхватил.

— Управляй потоками их мыслей. Абстрагируйся, — настойчиво заскрежетал Рейн.

Но капитан лишь выдавил:

— Что!

— Этот шум. Больно, я знаю. Сконцентрируйся. Ты главный, не они.

Сэндэл почувствовал лёгкое жжение в месте, где его держала железная рука.

Медленно поток шума, который на самом деле был воплями сотни глоток, начал сходить на нет. Но когда наконец наступила тишина, главарю корсаров стало поистине жутко.

Вспотев, как от длительного боя, и, тяжело дыша, он посмотрел в лица киборгов, и каждый ответил ему взглядом.

— Прикажите им, — снова заговорил Рейн.

Капитан выдержал паузу, пытаясь вернуть мыслям ясность.

— Шаг вперёд, — прохрипел он.

Киборги выполнили команду настолько синхронно, что Сэндэл даже сморгнул, не веря глазам.

Но внезапно каждый живой-мертвец также синхронно взялся себе за горло.

— Капитан? — Архитектор резко окрикнул его и обернулся.

— Они молят о смерти... — только и смог ответить Сэндэл.

— Не надо! — ударом молотом о наковальню бросил глава легиона.

— Вы ведь знали Пращуров, правда? Они бы одобрили это?

Рейн ответил не сразу. Пурпурные угольки его глаз сверлили капитана, он чувствовал это почти физически.

— Они наставляли меня и учили. Я верен их принципам, как никто, — наконец сказал Архитектор. — Но они не видели того, что мы. Это вынужденная мера. Мы обязаны выжить и защитить своё право на галактику. Цель оправдывает средства! — рявкнул в конце разъярённый диктатор.

Киборги опустили руки, а Сэндэл сорвал с себя венки.

— Когда я убью Григория, то избавлю и их от мучений.

— Разве я говорил убить его? — внезапно спросил Рейн.

Капитан резко развернулся.

— Что вы хотите? — ошеломлённо спросил он.

— Это очевидно. Ты должен привести его сюда.

— Вы вообще слышали, что я рассказывал!

— Да. Ты сказал, что просвещённого не убивало то, что сломило бы даже преторианца. Его надо препарировать и

изучать! Ты не согласен? — с чувством заключил Рейн.

Сэндэлу было трудно в этом признаться, но он и сам думал о подобном. Такого «человека» нельзя просто убить, ничего не выяснив.

— Вы дадите мне его казнить, как закончите. И это не вопрос, — отрезал в конце концов корсар.

— Несомненно.

Капитану на секунду показалось, что мелкие кольца, составляющие кольчужную сетку на лице Архитектора, сложились в подобие улыбки.

— И всё же, — Сэндэл опомнился, вспомнив про очевидное. — Как мы должны его схватить живьём? Это задача как раз для преторианцев, не меньше. И то...

Архитектор шелохнул пальцами, и за строем киборгов у дальней стены открылся дополнительный проход.

Оттуда вышло нечто большое... Оно приближалось, и изуродованные некогда люди синхронно расступались перед ним.

Наконец существо, а точнее гигантский робот, подошло. Но Сэндэл уже понял, что всё не просто так. Впрочем, Рейн и сам не стал затягивать с объяснениями.

— Как ты, наверное, и сам догадался — это тоже киборг. Модель «Палач». От него остался только мозг.

Палач представлял собой машину под три метра, но при этом её туловище скорее было скелетообразным, а акцент сделан на полной подвижности каждого сустава, и каж-

дой части, чтобы машина была максимально манёвренной и быстрой. Кроме прочего, у палача было четыре руки, заканчивающиеся весьма острыми и одновременно цепкими когтями, из-за чего капитан сделал вывод, что киборг может передвигаться на всех шести конечностях. Возможно, где-то были ещё скрытые руки или ноги. Сказать наверняка было тяжело. И лишь голова не была строго функциональной. На чёрный металлический череп была надета красная маска какого-то человекоподобного зверя, имевшего огромные клыки и несколько небольших рогов.

Порывшись в памяти, Сэндэл припомнил, что видел нечто подобное в учебниках истории. В частности, раздел «Мифы древних государств Земли».

Никаких сомнений, для чего был создан или «преобразован» этот монстр, не оставалось, но Архитектор всё же решил ещё похвастаться.

— Это не просто киборг. В него загружены все доступные данные по поиску, ликвидации или доставки цели. Кроме того, его мозг, хм... — Рейн слегка замялся. — Скажем так, ты можешь подключаться к нему не только для того, чтобы отдавать команды, а скорее для синхронизаций. Например, приблизить объект его глазами — картинка будет у тебя на сетчатке. Или дешифровать сигнал. В общем, — решил подытожить глава легиона, — много чего.

— Только один вопрос: почему остальные расступились перед ним? Вы дали им приказ? — проигнорировав всё про-

чье, спросил капитан.

— Назовём это инстинктом самосохранения, — немного помедлив ответил Рейн. — Да, кстати, если уж тебя так сильно волнует мнение твоих людей, и другие этические вопросы того, что ты видишь — можешь просто сказать, что это действительно роботы, но строго ограниченным функционалом. А конкретно этот, — глава легиона указал рукой на палача. — робот-убийца. Для особых целей, так сказать. В конце концов, может ты прав, и человечество действительно не готово к такого рода помощи. Но поверь мне, — он резко обернулся к капитану. — Рано или поздно — будущее наступит!

Главарь корсаров не стал спорить и посмотрел ещё раз в глаза одного из киборгов, а затем спросил:

— Почему искусственный интеллект был запрещён?

— Разве ты не знаешь? — удивлённо, на сколько это возможно, проскрежетал Архитектор. — Это мера предосторожности. В мудрости своей Отцы и Матери предвидели, что с таким резким скачком технологий человечество может уйти далеко, не всегда задумываясь о последствиях. ИИ мог выйти из-под контроля и нанести людям непоправимый вред, — он издал неопределённый звук, который можно было посчитать за смешок. — А по злой иронии Марс был разрушен как раз из-за беспечности Homo sapiens.

Это всё капитан знал и так, поэтому спросил прямо.

— А если говорить честно? Не верю, что попытки не пред-

принимались. Может катастрофы уже случались?

— Некоторые тайны неизвестны даже мне, — после некоторой паузы произнёс Рейн. — Скажу так: я ни в каких проектах участия не принимал.

— И сами вы, конечно, никаких попыток не предпринимали? — также без обиняков продолжил Сэндэл.

— Очевидно, нет, — резко бросил Архитектор. — Но я нашёл альтернативу, и она перед тобой. ИИ, если такой когда-то создадут, я уверен, будет иметь чуждое человеку сознание, холодное и расчётливое. А это... — он поднял руку, и все киборги в помещение встали синхронно на колени. — Всего лишь бывшие люди, мы их можем понять, а значит сможем уничтожить. Так возрадуйся уже наконец, ибо, возможно, вскоре ты чаще будешь держать в своей руке руку Катарины, а не Губитель. Хотя... — он повернулся к собеседнику. — Это всегда будет лишь твой выбор, и никакой технологический прогресс здесь не властен.

— Воина меч кормит, — почти автоматически ответил корсар фразой, которую узнал ещё до того, как взял в руки оружие.

— Ах, да. Я и забыл, — послышался саркастичный скрежет.

— Так почему вы уверены, что ваша, так называемая альтернатива, не выйдет из-под контроля?

— Потому что её создал я, используя ресурсы, которых не было у наших великих Родителей, — вся жёсть в интонации

главы легиона давала понять, что продолжать эту тему он не будет. — Кстати, ваша новая цель, — вновь произнёс Рейн, сгибая руку в локте. Через секунду над его ладонью появилась голограмма человека.

Капитан не узнал его.

— Кто это?

— Лазло Бенкс. Слыхали про такого?

Сэндэл лишь хищно оскалился.

Глава 3. Рай по призванию

Историю, которую созидали мечом, нельзя переписать пером, но можно исказить, осквернить. Так наточите же свои мечи, и пусть они не дрогнут в ваших руках.

*Генерал Радж Аврий, командующий времён
Религиозных войн на Земле*

Всю дорогу Ульве ломал себе мозг, как же ему избавиться от этого типа.

Он и его... телохранитель, по крайней мере, так себя утешал недопросвещённый, летели в систему Райский уголок. Одну из немногих систем, принадлежавших IV легиону, который не стал менять себе имя, а так и остался Легионом.

Они плыли в гиперпространстве на торговой барже «Приносящий». Это было огромное судно, в два раза больше судов типа Гладиус, но создавать их начали уже после колонизации планет по шаблонам, разработанным ещё на Земле. Конкретно этот корабль проектировался для перевозки руды и других подобных материалов, и лишь небольшая его часть выделялась на другие нужды. Несмотря на то, что такие суда принадлежали богачейшим людям в галактике, внешне и внутренне они выглядели по аскетичному просто.

Отсек, в котором они размещались, использовался для частных перевозок, и если для полёта между другими си-

стемами пользовались люди разных слоёв и профессий, то в Райский уголок, чаще прочих, летали только мелкие и средние торговцы. И только те из них, кто мог позволить себе личную охрану.

Ульве и часовой сидели в палубной столовой и молчали. Как и всегда. Сначала парень обрадовался, когда ему сказали, что с ним поедет часовой. Он рассчитывал, что сможет хоть с кем-то пообщаться. Но воин в багровом молчал всё время. Абсолютно. Он никогда не начинал разговор сам.

Очередной бессонной ночью по корабельному времени Ульве, уставший от ночных кошмаров, где ему являлись сцены какой-то страшной бойни в узких одноликих коридорах, тихо, как ему показалось, встал и решил прогуляться. Но за дверью его уже ждал часовой.

— Что за хрень! — не выдержал юноша. — Ты спишь вообще?

Воин в багровом, на чьём лице не дрогнул ни один мускул, ответил: «Я спал, когда услышал, как вы одеваетесь».

Ульве с чувством выдохнул.

— Ты можешь остаться. Меня не надо сопровождать.

— У меня приказ.

— Я отдаю тебе другой!

— Простите, — всё также безучастно продолжил часовой.

— Мне отдан приказ свыше.

За всё время полёта это был самый длинный их разговор. Вообще, единственные признаки человечности просматри-

вались, когда Накпэна, так звали этого нелюдимого солдата, оглядывался в поисках угрозы.

Вот и сейчас, он медленно осматривал людей в столовой. Народу в это время было очень много: разного рода торговцы и их компаньоны, матросы-охранники и рабочие, а также многие другие. Двое из Ордена сидели у самой стены, и Нак, как кратко его звал юноша, постоянно держал голову впол-оборота, а Ульве старался незаметно осматривать его шрам, который зиял у него вместо левого уха.

— Что случилось? — спросил молодой просвещённый, скорее от безысходности, чем потому что ему было действительно интересно, указав в сторону шрама вилкой.

— Потерял в бою, — коротко бросил часовой, даже не повернув головы.

— С кем бился? — решил продолжить Ульве.

— Пираты.

— Какие?

Наконец Нак посмотрел на своего собеседника с мимолётной тенью раздражения.

— Они все одинаковые. Просто бандиты, которые заслуживают казни.

— Так вы не убили их? — удивился юноша.

Нак снова отвернулся. Было видно, что его задел этот вопрос, и Ульве решил, что, вероятно, этот часовой много пережил. Впрочем, иначе его бы не назначили личным телохранителем. Или нянькой.

— Нет, но они своё получают, — наконец отрезал часовой.

Юноша резко сглотнул, вспомнив рассказ Гриера перед операцией на «Нептусе», когда Зэмба установил ему мех-глаз. О том, как Багровый орден пытался взять в плен капитана Сэндэла, но всё пошло прахом, потому что они недооценили главаря корсаров. Нак был буквально единственным тем самым часовым, оставленным в живых, чтобы передать угрозы Ордену.

Собеседник начал поворачиваться обратно, будто почувствовав замешательство подопечного.

— Куда ты всё смотришь? — решил сменить тему Ульве, пока Нак не увидел его ошарашенный от осознания вид.

— Высматриваю незнакомых мне людей, — как ни в чём не бывало ответил собеседник.

— А со всеми остальными ты уже познакомился? — неловко отшутился Ульве, прибывая в своих мыслях.

— Нет, я имел ввиду...

— Успокойся, это просто шутка глупая, — бросил юноша, на этот раз решивший завершить диалог. Лишь бы часовой не обращал на него внимания.

Благо, Нак никак не отреагировал, и они снова замолчали. Через несколько секунд парень решил сосредоточить мысли на пережёвывании отвратительной кормёжки, а всё остальное попробовать обдумать одному.

Но давалось это с трудом. Неужели Эклери специально назначил именно Нака сопровождать его, потому что юноша не

просто столкнулся с корсарами, но даже жил и сражался рядом? Был ли в этом скрытый смысл или его назначали просто в качестве закалённого ветерана?

— Вам бы следовало тоже побольше обращать внимания на людей, — внезапно решил возобновить разговор часовой. Такое поведение было для него несвойственно, а Ульве уже был рад отвлечься хоть как-нибудь.

— Ты о чём?

— Рано или поздно вы должны будете стать просвещённым, — с некоторым напором начал Нак. — Работа просвещённого — это работа с людьми, вы должны научиться видеть их насквозь, чувствовать, когда они лгут, когда честны. В ваших обязанностях следить за их моральным состоянием, — воин в багровом даже перестал смотреть по сторонам, говоря это.

Ульве почувствовал себя неуютно, потому что часовой был прав.

— Неужели Григорий вам этого не объяснял?

— Объяснял, конечно, — начал мяться юноша, подбирая слова. — Но до практики как-то дело не доходило...

— Как это? — Нак неодобрительно свёл брови. — Я слышал учеников часто засылают в «поле» выявлять преступников или просто для общения с толпой.

Молодой просвещённый отрицательно закачал головой.

— Не со мной. Он больше уделял внимание физической подготовке.

Часовой медлил, видимо не зная, что сказать, но у Ульве и не было желания продолжать этот разговор. Он окончательно отложил вилку и решил осмотреть людей вокруг себя. Матросы за столиком сбоку обсуждали вахту и то, чем займутся, оказавшись на планете. Один, не стесняясь в выражениях, рассказывал, как отодрал бы какую-нибудь мадмуазель, а другие ржали над ним, отвечая, что в Райском уголке любая баба ему все кости переломает, попробуй он только намекнуть на что-то подобное. Он только отмахивался от них. За столиком сбоку и сзади мужчина в форме, видимо охранник, и торговец, его начальник, обсуждали, как лучше доставить груз до фактории без происшествий.

Внезапно мехглаз Ульве резко сфокусировался и приблизил две отдалённые фигуры, сидевшие в дальнем конце столовой. Расстояние до них было ровно сто пятьдесят метров сорок шесть сантиметров. Глаз выдал точную информацию, но от такой резкой смены кадра, молодого просвещённого чуть не вырвало, и он невольно пошатнулся вперёд.

— Всё нормально? — Нак глянул на него, прищулив глаза.

Но юноша был не в состоянии ответить. Его новое механизированное око, о котором он периодически забывал, потому что оно отлично прижилось и могло неделями не выводить никакой информации, в этот раз, в буквальном смысле держало на прицеле лицо женщины брюнетки с короткой стрижкой в футболке и жилете. Её ярко-голубые глаза присталь-

но изучали юношу, а левая губа была чуть подёрнута вверх, будто в высокомерной ухмылке. Мужчину сидел прямо напротив неё, поэтому его лицо было видно лишь на треть, когда он поворачивал голову, оглядывая зал. Тем не менее, глаз уловил такого же цвета глаз, со шрамом рядом от виска до скулы.

Через непродолжительное время Ульве всё же, прикладывая чудовищные усилия, смог отвести взгляд и зажмурить глаза.

Всё это произошло не более чем за семь секунд, но Нак уже понял, что всё далеко «ненормально». Он обернулся в ту сторону, куда только что смотрел молодой просвещённый.

— Кто там был! — воин в багровом встал из-за стола, пытаясь разглядеть кого-то в толпе. — Вы что-то увидели?

Ульве дрожал, тяжело дыша и боясь разлепить снова глаза.

— Охрану в столовую на втором ярусе, живо, — часовой дал команду по линку в корабельную рубку и подошёл к юноше. — Ульве, откройте глаза. Давайте.

Молодой просвещённый медленно подчинился, но тут же выблевал весь обед на пол. Люди вокруг неодобрительно на него покосились, но не решились сказать что-либо.

Но опустошение желудка не помогло избавиться от образов, как и проморгаться — перед внутренним взором висел снимок этой женщины: чёрные волосы, смуглая внешность, шрам на левой щеке и тёмно-синие глаза, сосредоточенные

на цели. Тем не менее, Ульве смог выдать из себя описание внешнего вида тех людей, и Нак тут же отправился на поиски.

Пришедшая взбодораженная охрана сопровождала молодого просвещённого в его каюту и осталась охранять. Прошло не меньше четырёх часов, прежде чем часовой пригласил его на мостик.

Как выяснил Нак — на корабле, в частности в столовой, были проблемы с камерами видеонаблюдения, что являлось серьёзным нарушением протоколов внутренней безопасности. Но во многих других, в том числе в жилом блоке, с видеонаблюдением всё было в порядке, а перепись пассажиров не выявила людей хоть сколько-нибудь похожих на ту женщину в столовой. Мужчину, сидевшего спиной, определить вообще было невозможно. Но самое жуткое выяснилось, когда Нак, на правах часового из Багрового ордена, заставил собрать всех людей, находившихся в тот день и час в столовой, в одном месте и опросить.

И никто не видел эту женщину.

Когда мероприятие закончилось, и люди стали выходить из ангара, провожая людей в багровом неодобрительными взглядами, капитан корабля, Брауд, прямо спросил.

— А вы уверены... Хм, что видели кого-то?

Нак испытующе смотрел на Ульве, ожидая ответа.

— Хотите сказать — я спятил? — решил огрызнуться юноша, скорее от смятения и страха, нежели потому, что его

действительно оскорбил вопрос Брауда.

— Нет, но... — командиру было явно трудно подбирать слова. Его неловкость чувствовалось почти осязаемо. — Никто не видел их.

— Так или иначе, — вмешался Нак. — На вашей барже... — от этих слов Брауд на секунду сморщился и покраснел от злобы. — Плохо с безопасностью и в судовом департаменте об этом обязательно узнают, а может и сразу в вашем торговом Доме.

Капитан выпрямился в весь свой немалый рост, но часовой ему не уступал.

— Ваше право, — коротко бросил командир корабля и, развернувшись, зашагал прочь.

Они остались вдвоём в ангаре. Ульве явственно видел, что Нак, на самом деле, хочет спросить тоже самое, что и капитан. Но всё же он промолчал, и за это юноша был ему безмерно благодарен.

Уверенности придавали две вещи: его неутомимый часовой, который стал в несколько раз подозрительнее и наблюдательнее, хотя и казалось, что это уже ещё больше просто невозможно, и снимок..., который теперь постоянно всплывал в памяти, как только Ульве думал о слежке. А думал он о ней почти постоянно.

Это начало порождать другие страхи. Как управлять мехглазом? Как избавиться от этого снимка? Он был слишком отчётлив для простого фрагмента памяти. И вдруг, там дей-

ствительно никто не сидел, а глаз просто сломан? Или он сходит с ума...

Во что же его превратили корсары?

Раздражительность, страх и разочарование от всех этих мыслей сопутствовали юному просвещённому вплоть до их прибытия в Райский уголок, случившееся через десять дней с того случая в столовой.

С жутким грохотом корабль вырвался из гиперпространства возле маяков Сострата, и Ульве, стоя в одном из остеклённых нижних коридоров левого борта, с которого только-только начали подниматься защитные заслонки, удивился, обнаружив вокруг метеоритное поле.

— Это и есть маяки, молодой человек.

Юноша повернул голову и увидел рядом пожилого, но довольно высокого человека в строгом тёмно-зелёном костюме, с накинутым поверх меховым пальто. Его лицо покрывала такая густая сеть морщин, что было трудно разглядеть реальные черты лица.

— По крайней мере, ходят такие слухи, — улыбнулся новоприбывший. — Говорят, что местные маскируют маяки под метеориты, — продолжил старик, усмехнувшись чуть больше. — Можно подумать, что они чудаки. Но кто знает?

Маяки Сострата были путеводными звёздами в космосе. Они посылали бесперебойные сигналы кораблям, зашедшим в гиперпространство. Каждый маяк объединялся в узел по системе или в целые сетки, раскинутые сразу на несколько

ближайших друг к другу систем. Целая команда навигаторов днём и ночью, сменяя друг друга, следила, чтобы корабль не потерял сигнал необходимого узла, потому что последний выбирался до того, как корабль погружался в гиперпространство, и его утеря во время полёта, грозила катастрофой.

Одним единственным непреложным законом во время гражданской войны было не уничтожать маяки Сострата. Многие говорили что-то там про военную этику, но в высших кругах ходили слухи, что с утерей Земли, создавать маяки своими силами стало чрезвычайно трудно.

— Вы так не считаете? — аккуратно поинтересовался юноша.

— Ну знаешь... В системе, где вечно бушует война, хоть и со зверьём, надо быть готовым ко всему.

Молодой просвещённый неуверенно подёрнул бровями.

— О, неужели вы не в курсе?

— Нет, нет! — запротестовал Ульве. — Я... в курсе дела...

Старик улыбнулся.

— Меня зовут Радул, я член гильдии Золотое руно, — торговец протянул руку.

— Ульве Гард. Просвещённый, — слегка поперхнувшись ответил молодой человек, протягивая свою в ответ.

— Что ж, Ульве. Вы впервые здесь?

— Да. Я...

— Спец задание? — с улыбкой перебил Радул.

— Ну, вы знаете...

Где-то сзади тактично, но так, чтобы было слышно, про-
чистил горло Нак.

Старик посмотрел в его сторону и ехидно заметил:

— О, ваш телохранитель явно недоволен моими вопро-
сами. Мне есть чего опасаться?

— Не думаю. Мне нечего вам ответить, — реже, чем хо-
тел, ответил Ульве.

Радул несколько секунд оценивающе сверлил глазами ча-
сового.

— Что ж, хорошо, если так, — он снова повернулся в
сторону Ульве, явно сконцентрировав внимание на лице по-
следнего. — Что это? — он слегка кивнул головой. — Я та-
ких шуток раньше не видел. А я, — старик сделал ак-
цент на фразе, ткнув увешанными перстнями пальцами себе
в грудь. — Я много чего видел.

— Новая разработка, — начал просвещённый, стараясь
быть убедительным. — Только для Ордена багрового рассве-
та! — и сам смутился от того, насколько помпезно это зву-
чало.

Радул весело оскалился.

— Понимаю. И, наверное, не продаётся?

Ульве отрицательно покачал головой.

— Но ведь у всего есть цена. Или у всех...

— Вы забываетесь! — угрожающе гаркнул Нак за спиной
торговца.

Но тот, казалось, даже не обратил внимания, а лишь улыбаясь, добавил.

— Но, но. Не стоит принимать близко к сердцу мой профессиональный юмор.

— Орден не продаёт свои тайны, — твёрдо ответил юноша.

— Как знать... — еле слышно шепнул Радул, а затем более громко продолжил. — Что ж, Ульве. Вы здесь увидите немало чудес. Ох... — он сверился с хронометром. — Кстати, одно из них будет видно только на верхней палубе, советую вам, отправиться туда. А я, пожалуй, пойду прослежу за погрузкой товара. Надеюсь, тоже успею подняться посмотреть.

Мужчина начал удаляться, не попрощавшись.

— Чем вы торгуете? — бросил в след уходящему юноша.

— Детскими игрушками, — не оглядываясь, ответил Радул и скрылся в коридоре.

Ульве посмотрел недолго ему в след, а затем перевёл взгляд на часового.

— Верхняя палуба? Мы туда попадём?

— Конечно. Если хотите...

— Хочу, — оборвал его молодой просвещённый. — Пошли.

Они стремительно двигались по коридорам к центральному лифту. В этой части судна были только корабельные рабочие, готовящие резервуары с минералами к отгрузке в до-

ках. Люди кидали осторожные взгляды в сторону двух людей в багровом. Наверное, они думали, что это карательная команда.

Центральный лифт сторожило двое людей из службы безопасности дома Мидас, которому принадлежал Приносящий. Даже не думая преграждать дорогу, они пустили их внутрь.

Ульве всё прокручивал в голосе слова торговца: Как знать... как знать...

— Странный тип, — видимо, догадавшись о чём думает юноша, произнёс Нак. — Какой-то миркелийский наглец, — затем часовой нахмурился. — Откуда он вообще знает, что IV легион маскирует маяки под метеориты? Я никогда этого не слышал.

Молодой просвещённый даже не сразу поверил, что его спутник заговорил. Такое случилось всё ещё редко относительно остального времени полёта, поэтому юноша никак не могу привыкнуть.

— Он же сказал, что это могут быть просто слухи. И с чего ты решил, что он миркелиец? — осторожно поинтересовался Ульве. — Этими судами кто угодно может летать.

— Только их каста может позволить себе столь неуважительное обращение, — резко буркнул часовой.

— А легион Архитектора?

— А им бы я ничего не дал сказать, — угрожающе прошептал Нак.

Да, Архитектор Рейн казнил аж две делегации просвещённых, прежде чем Орден окончательно определился, что с III легионом никаких контактов не будет. Это можно было бы расценить, как удар по авторитету недавно возникшей организации, претендующей на очень значительную роль в обществе. Но после крупномасштабной гражданской войны между легионами людям и так уже казалось, что мир спятил. Поэтому этот конфликт, в какой-то мере, начал считаться незначительным для большей части населения, хотя для власть имущих это был лишь дополнительный камень преткновения в последующих дипломатических контактах.

Двери лифта распахнулись, и двое мужчин шагнули в куполообразное помещение...

...и сразу же остановились, задрав головы и не смея отвести взгляд.

Непонятно сколько они так простояли, но тишину нарушил Нак.

— Господин, надо немного отойти. Мы мешаем людям войти внутрь, — с последним предложением он уже вёл Ульве вглубь помещения, сам с трудом отводя глаза от стеклянного купола.

— Это нечто... Невероятное, — едва смог вымолвить юный просвещённый.

На солидном расстоянии от них медленно, но неумолимо, словно само течение времени, плыло судно неописуемых размеров. И хотя космическое пространство вокруг

Приносящего было в сотни раз больше, громоздкий, но при этом мощный корпус левиафана, вызывал трудноподавляемое благоговение и даже страх перед своим величием. Его внешний вид был отчасти скопирован с кита, населявшего водные пространства Земли.

Увидеть их вживую было практически невозможно. С начала гражданской войны каждый легион спрятал их как можно дальше от зоны боевых действий, оставив на них экипаж в количестве, достаточном лишь для передвижения и защиты корабля. Практически восемьдесят пять процентов судна было законсервировано за ненадобностью, так как люди, населявшие левиафаны, приступили к колонизациям планет.

Но не IV легион. Обстоятельства, с которыми столкнулся он, заставили, как минимум один корабль-мать, остаться в домашней звёздной системе.

Подумав о том, что таких судна должно быть два, Ульве начал крутить головой в разные стороны, пытаясь отыскать вторую громадину: вот звезда, озаряющая правый борт левиафана, вон виднеется планета — конечная точка их путешествия, а вот...

Взгляд Ульве замер на отражении в стекле. Неживой глаз выцепил в тенях какой-то образ, который невозможно было заметить обычному взору, и стал раскладывать по различным фильтрам. Буквально через пару секунд он подобрал нужный и тут же из ниоткуда снова всплыло фото той женщины из столовой. Юноша моментально догадался, что это

значит и лишь смог процедить сквозь зубы, чтобы слышал только часовой.

— Они здесь.

— Кто? Левиафаны? Я только один вижу, — Нак лишь активнее замотал головой.

— Они! — чуть сильнее зашипел юноша.

Наконец часовой сообразил в чём дело и слегка замедлил движения шеей.

— Где?

— От тебя на восемь часов.

В помещение присутствовало только аварийное освещение, которое сейчас было отключено, дабы люди могли наслаждаться светом звёзд.

Шпионы находились возле стены сразу за лифтом. Именно этот угол в данный момент времени не освещался.

— Я ничего не вижу, — Нак явно пытался увидеть что-то в отражении.

— Они там. Их видит мой глаз.

И тут двери лифта снова распахнулись.

— Это море, великое и пространное: там пресмыкающиеся, которым нет числа, животные малые с большими; там плавают корабли, там этот левиафан, которого Ты сотворил играть в нём», — произнёс громогласно Радул, разводя руками, как будто приветствуя великий корабль. — Я таки смог вырваться, — обратился он уже к Ульве.

— Они уходят! — крикнул просвещённый, видя, как при-

цел глаза уловил движение куда-то вниз.

Нак отреагировал мгновенно.

— Ложись! — рывкнул он торговцу, и начал стрелять, едва развернувшись.

На борту корабля часовой носил шоковый пистолет «Морок», при попадании снарядов которого у жертвы начинался судорожный припадок от неконтролируемого сокращения мышц. Больше, чем два попадания, почти всегда приводило к мучительной смерти. Это оружие было изготовлено специально для Ордена и, в частности, часовых. После того, как они впервые заметили этих двоих, Ульве всегда носил с собой палаш и пистолет, но почему-то именно в этот день, решив, что до планеты осталось чуть-чуть, он оставил всё в каюте.

Мимо. Пули с хлопком разбились о стены. Завыла сирена, озарив помещение сигнальными красными лампами. Шпионов видно не было.

— Больные ублюдки, не смейте тут стрелять! — завопил торговец, лежавший на полу в противоположной стороне.

— Выходите на свет, — уверенно скомандовал Нак, но ответа не последовало.

— Их там нет, — ошарашено произнёс молодой просвещённый.

— Уверены? — часовой всё ещё держал стену на прицеле, хотя даже при аварийном освещении было видно, что там никого нет. Но виднелось что-то другое. Ульве, не ответив,

отправился к месту, где, как ему показал глаз, кто-то был. Нак подошёл следом.

* * *

Капитан сидел в своей каюте за рабочим столом, на котором, в свою очередь, лежал венлок управления киборгами, и в который раз обдумывал: «в какое дерьмо я себя втянул?».

Также глава легиона дал второй венлок для управления только Палачом, видимо, догадавшись, что главарь корсаров ни при каких обстоятельствах не захочет выпускать остальных киборгов с корабля. Кроме того, неизвестно по какой причине, но Рейн настоял на том, чтобы Сэндэл взял с собой ретранслятор — устройство, которое будет передавать приказы носящего венлок человека киборгам и при этом сводить всё негативное воздействие, а именно голоса в голове, до нуля.

На вопрос Архитектору: «почему он не сказал о нём сразу?». Ответ был устрашающий: «Они должны чувствовать твою силу и авторитет над ними. Использование ретранслятора даст им понять, что ты боишься». Впрочем, Рейн полностью исключил какое-либо неподчинение приказам со стороны капитана.

Сэндэл попытался ещё раз без нового устройства «подключиться» к киборгам, чтобы погрузить тех на челноки для отправки на Нептус, но, столкнувшись снова с криками и

мольбами о смерти, почти сразу же включил ретранслятор.

И всё же, уже будучи на корабле, раздав команды киборгам, и ведомый необъяснимым и нездоровым интересом, капитан решил отдельно надеть венки для управления палачом без психической защиты. И вот тогда ему стало воистину жутко.

В какой-то момент корсар подумал, что это злая шутка Рейна, хоть тот и абсолютно не был к ним склонен, потому что киборг казался мёртвым. Его мозг не издавал ни звука, в отличие от младших собратьев.

В итоге капитан пришёл к двум вариантам: либо мозг этого некогда человека действительно мёртв, и Архитектор солгал насчёт человечности этих созданий, хотя, по большому счёту, вся эта идея с киборгами была сплошным обманом, нарушающим все мыслимые и немыслимые нормы и запреты, либо этой заточённой душе и не нужна была свобода в смерти. Ему нужна была только цель.

Но не менее тяжёлым было скрывать от друзей — офицеров, да и от всех остальных корсаров, правду о настоящей сущности этих полутрупов.

Да, он солгал, когда поднялся на борт с ровно тысячу одним киборгом.

Все без исключения отнеслись скептически, и больше всех — командор. Но через какое-то время надёжность и многофункциональность роботов, как всем сказал Сэндэл, так сильно сыграла на руку команде и кораблю, что об этом

практически забыли. Практически.

Скоро судно должно было выйти из гиперпространства, и командование киборгами надо было кому-то передать.

— Командор Идрис у двери, — прохрипел холодный голос динамика.

— Открой.

Механизм подчинился, и в каюту зашёл Идрис Борнаэль, командующей кораблём Небесных корсаров — Нептусом.

Мужчина сразу снял бело-синий китель, и повесив на крючок у двери, направился к капитану.

— Выглядишь намного лучше, — мягко начал старый друг.

Действительно, после отбытия со Скентиума Сэндэл вплотную занялся своей утраченной формой и отводил тренировок не менее восьми часов в день.

— Спасибо, — без особо энтузиазма ответил главарь корсаров, что не осталось не замеченным. И пока он думал, как начать трудный разговор, его опередил командор.

Он поднял венок и начал крутить в руках.

— Если ты думаешь, что смог обмануть меня, сказав, что это просто роботы, то наконец-то спешу разочаровать, — без обиняков произнёс Идрис, сосредоточив внимание на материале устройства. — Где-то я видел нечто подобное.

— Да, и я, но не могу вспомнить где, — тоже думая о странном тёмно-сером металле, отреагировал главарь корсаров. — А других я смог обмануть?

Борнаэль положил венок обратно на стол и сел на такое же резное кресло, как у капитана, стоящее сбоку от стола.

— Эбер может и поверил. Гриер не знаю, а Вальдер вряд ли. Что касается остальных... Короче говоря, всех смутило, что эти роботы так сильно напоминают людей. Это...

— Да-да, запрещено, — буркнул Сэндэл и замолчал. Но Идрис ничего не стал отвечать, давая возможность своему командиру продолжить.

— Это не роботы. Когда-то они были людьми, — в итоге признался капитан.

Командор, немного помолчав, приблизился к Сэндэлу, и, оперевшись локтем на стол, посмотрел ему прямо в глаза, видимо пытаясь понять шутка ли это.

— Значит это всё-таки случилось... — медленно произнёс Идрис.

На сей раз промолчал капитан, следя за рассуждениями товарища.

— Всё-таки Архитектор стал делать из людей роботов. Лишать их воли и убивать сознание, делая бездушные машины. Да уж... — в его голосе слышалась помесь разочарования с презрением.

— Они лишены воли, но не сознания, — аккуратно произнёс Сэндэл.

— Что? — тихо переспросил командор, очевидно, не поверив в то, что услышал.

— Это киборги. Киборги, очень сильно напиханные же-

лезом, — со вздохом начал капитан. — Они подчинены вот этой штуковине, — и он небрежно пихнул венлок. — Подчинены, но разум и сознание их не угасли. Они живы. По сути, это люди, и они всё понимают.

Молчание затянулось. Идрис безотрывно смотрел на своего командира какое-то время. Далее, не говоря ни слова, он достал из нагрудного кармана сигарету и закурил, уставившись куда-то в пустоту.

— Спрашивать, рады ли эти... — командор поперхнулся дымом. — Киборги своей новой жизни, я так понимаю, смысла не имеет?

Главарь корсаров переложил с соседней полки хрустальную пепельницу на стол. Сам он, как и его друг, курил крайне редко, особенно в собственной каюте, но в этот раз решил присоединиться.

— Они просили меня убить их, когда я надевал венлок, — прямо сказал Сэндэл, подкуривая папиросу. — Архитектор сказал, что они были...

— Это неважно! — внезапно повысил голос обычно спокойный командор. — Что ты хотел сказать? Бандиты? В Книге уже давно всё сказано, как и с кем должно поступать! Это же рабство, из которого нельзя выбраться, — резко перешёл на шёпот Идрис. Его глаза отражали одновременно гнев и растерянность.

— У нас не было выбора. Нептус не смог лететь без команды, а мы должны найти Григория.

— Чем мы лучше него? — неожиданно спросил командор. Пришло время капитану удивляться.

— Ты сейчас серьёзно?

— Мы начали убивать своих братьев по оружию, — начал вкрадчиво Идрис. — Потому что Канцлер Гахарит проявил себя, как свихнувшийся на власти диктатор, объявив братоубийственную войну. Встав на сторону Архитектора, мы делали многое, но всегда приходили к мнению, что это было оправдано, — он немного замолчал. — А что сейчас? Сейчас он делает из своих людей машины.

— Ты не знаешь качество этих людей. Может они этого заслуживают, — решил ответить Сэндэл, не будучи до конца уверенным в своих словах. — Тогда такой подход рационален. Что попросту растрачивать живую силу?

Идрис невесело усмехнулся.

— Что же ты сразу не сказал нам, что они все бывшие маньяки-убийцы?

Сэндэл вздохнул, сминая недокуренную сигарету в пепельнице.

Командор сделал тоже самое, и, поднявшись, двинулся к выходу. Надев китель, он повернулся к капитану.

— Опираясь на заветы Отцов и Матерей, изложенных в Книге, мы остаёмся теми, кто мы есть. А люди, за которыми мы шли, попрали это! — в сердцах произнёс Идрис. — И взяв этих тварей на борт — вы поступили также. Вы хотели, чтобы я ими управлял в ваше отсутствие? — командор кив-

нул в сторону венка. — Я не стану.

Он скомандовал двери, и та открылась.

— Станешь.

Идрис обернулся. Сэндэл тоже встал и твёрдо смотрел на командора.

— Закреть дверь, — отдал голосовую команду капитан, и та подчинилась.

— Политика Канцлера и Архитектора удручает, — начал главарь корсаров, медленно подхоя к командору. — К чему нас всех это приведёт — неизвестно, — прохоя мимо стола, он взял с него устройство. — Но я повторяю в последний раз — у нас нет выбора. Мы должны найти Григория, — он протянул венок командору.

— Это лишь очередной акт мести... — перебил Сэндела Идрис, и тут же был перебит сам.

— А вот и нет. Мы доставим его Рейну, заодно вернём киборгов и больше никогда не будем иметь с ним дело, — капитан всё ещё держал венок перед собой.

— Я не хочу иметь с этими железными-рабами ничего общего уже сейчас, — стоял на своём командор.

Сэндэл выпрямился.

— Это приказ, командор, — твёрдо начал он. — Но, чтобы вам было легче его принять, довожу до вашего сведения, что это последнее наше совместное задание, — после этих слова Идрис напрягся ещё сильнее. — Как только мы приведём к Архитектуру просвещённого, я сниму с себя командо-

вание, и больше вам не придётся мириться с моими приказами. Говорить об этом всем остальным членам команды не надо — я сам это сделаю, когда сочту нужным, — капитан полностью выпрямил руку с венком в сторону командора, и тот медленно и нерешительно взял его. — Киборги не будут звать вас. Вон то устройство, — Сэндэл слегка повернулся и показал в сторону, казалось бы, обычного металлического куба, стоявшего в углу. — Глушит их мольбы.

Идрис кивнул с потерянным взглядом, глядя на куб.

— Это всё, командор. Вы свободны, — заключил главарь корсаров.

Идрис хотел, что-то сказать, но по глазам Сэндэла понял, что смысла это не имеет.

— Как прикажете, командир.

Главарю корсаров было мерзко от того, как закончился этот разговор. Но он не кривил душой — его целью было сделать эту миссию последней и, возможно, изменить свою жизнь. Нельзя было сказать об этом сразу всем — это бы подорвало боевой дух корсаров, но с Идрисом по-другому было нельзя.

Убедившись в правильности своих действий, Сэндэл отправился к слуге доспеха, параллельно вызывая Лоркана по личной связи.

Да, он снова вернулся в форму — его нео-римский доспех сидел идеально, а внутренний комбинезон, который одевался под броню не пришлось подгонять, как ещё пару месяцев

назад.

Как и обычно, шлем капитан не одел, как и не стал брать личный клинок Губитель, выплавленный из сверхпрочного материала — виония, ибо другое холодное оружие попросту не могло с ним тягаться.

Сержант Лоркан уже ждал его в тренировочном ангаре. Стоя возле бойцовской арены, он с обыденно-скучающим видом крутил в руке керамбит, выделявая им различные пируэты в воздухе.

— Командир, это не обязательно, — начал сержант. — Ваш авторитет непоколебим.

Сэндэл, не оглядываясь, подошёл к стойке с тренировочным оружием, и, выбрав два гладиуса, сразу пошёл на арену. Сержант последовал за ним.

— Ты хорошо убиваешь, но врёшь хреново, Лоркан, — наконец ответил главарь корсаров, бросая противнику один из мечей. Тот ловко его поймал, даже не переведя взгляд.

— Что ж, ну по крайней мере, было бы неправильно нанести друг другу непоправимые увечья перед ответственным заданием, — без особо интереса в голосе сказал сержант, уже понимая, что его слова не возымеют успеха.

— Не переживай, — ухмыльнулся капитан. — Зэмба тебя подлатает, — и с этими словами ринулся в бой.

Не даром Лоркан считался вторым мечником в роте Небесных корсаров после своего командира, а до того, ещё на службе легиону, был опционом — он с непревзойдённой

точностью парировал удар, летевший сверху вниз, отклоняя его в сторону, и продолжая движения, решил ударить с разворота. Но тут его уже ждал Сэндэл, поставив блок, держа гладиус вертикально. Не теряя ни секунды, капитан резко сблизился с корсаром, целясь ему лбом в переносицу. Но сержанта такими фокусами было не провести — отклоняясь назад от удара, он в последний момент резанул мечом, тем самым прервав следующие атаки своего главаря. Не давая передохнуть сопернику, Сэндэл махнул по ногам оппоненту, но Лоркан ловко перепрыгнул лезвие, и уже в полёте попытался дотянуться остриём до шеи капитана. Не вышло.

Так, не давая себе передышки, они обменивались взаимными ударами около десяти минут. Для воина, сражающегося в доспехе легионера, это было ничто, потому что последний поддерживал все основные функции организма необходимые для длительного ведения боевых действий, и, в частности, боя, подпитывая его через внутренней комбинезон.

Но Сэндэл понял, что пора менять тактику, решив прибегнуть к той, которую мог воплотить только он сам — пожертвовать малым, а, возможно, и многим для победы.

В какой-то момент, когда меч Лоркана летел наотмашь справа, капитан просто перехватил его левой рукой. Наточенное лезвие вошло в ладонь и предплечье, но всё же на долю секунды сержант опешил и этого хватило, чтобы закончить поединок.

Рубанув своим мечом снизу-вверх, Сэндэл перебил сочле-

нения доспехов в районе ключицы, тем самым повредив доспех, да и саму руку Лоркана. Кисть невольно выпустила рукоять гладиуса, и главарь корсаров наконец отпустил лезвие. Кровь струёй полилась из дыр в доспехе. Но всё это произошло не больше, чем за секунду. Дальше капитан двинул бронированной ногой в живот противнику.

Сержант завалился на спину, но сразу же поднялся. Его рука почти безвольно висела. Из трещины в доспехе пошла струйка крови, но он, казалось, совершенно этого не замечая, решил наступать.

Сэндэл вытянул вперёд гладиус, направив точно в горло корсару. Лоркан остановился, взглянув сначала на остриё, а потом в глаза командиру.

— Вы могли и руки так лишиться, — подавляя адреналин, произнёс сержант.

— Ты слабо бил, так что я знал, что поймаю меч, — уверенно ответил капитан.

Лоркан скептически глянул на обильную лужу крови у ног Сэндэла, успевшую натечь, пока доспех на черную не залатал пробоину жгутами, а комбинезон не впрыснул стимуляторы для затягивания раны.

— Цель оправдывает средства, — заученно произнёс сержант. — Я свободен?

Главарь корсаров хотел обсудить с ним детали предстоящего дела, но, почувствовав лёгкую слабость от кровопотери, решил повременить.

— Да, отправляйся в лазарет.

Лоркан кивнул, и, развернувшись, зашагал прочь.

Подождав, пока подчинённый уйдёт, капитан медленно, экономя силы, побрёл в свою каюту, размышляя над последними словами сержанта: Цель оправдывала средства — речь шла про тактику капитана или слабый удар Лоркана?

* * *

— Вы что, сумасшедшие? — недоумевал Радул, вставший позади людей Ордена.

— Заткнись! — рявкнул воин в багровом. — Господин, это — эвакуационные люки и они открываются только в случае угрозы аварии, — обратился он уже к молодому просвещённому, понизив тон.

Нак и Ульве стояли возле полости в стене, которая озарялась отдельной лампой. Заглянув туда, юноша увидел желоб, уходящий вниз.

— Я их видел, — твёрдо сказал юноша, глядя в глаза часовому. — Двоих, как и в прошлый раз.

Лицо последнего выдавало абсолютный скепсис, о чём в этот раз, он всё-таки решил сказать прямо.

— Но я — нет, а у меня, при всём к вам уважении, со зрением всё в порядке. И этот люк не мог открыться снаружи никак, — стараясь говорить мягче, Нак всё же пустил в ход всю свою настойчивость, положенную по роду занятий. — А

судя по вашим словам, они скрылись до того, как я выстрелил.

— Тогда бояться нечего, и можно смело проверить? — с этими словами молодой просвещённый прыгнул внутрь люка.

Тут же поняв свою ошибку, Ульве грязно выругался. У него не было оружия, а внизу его, возможно, ждал наготове противник. Глаз снова дал о себе знать, начав выводить статистическую информацию: углы поворотов трубы, скорость движения юноши и другую бесполезную на первый взгляд чушь.

Прошло ещё не больше минуты, и просвещённый наконец вылетел из эвакуационной трубы на мягкую поверхность, но не успел откатиться и в него сразу же влетел Нак.

Моментально встав сам, он взял за плечо Ульве и потянул вверх.

— Почему нет света? — спросил часовой, водя своим оружием, которое он непонятно, когда успел достать, в разные стороны.

Ульве оглянулся. Они стояли на мягком матрасе, специально положенном, чтобы спускавшиеся не переломали себе все кости, а один человек у основания трубы должен был контролировать, чтобы эвакуирующиеся залетали внутрь через определённые промежутки времени. Такой мягкий пол шёл вперёд на пятнадцать метров, а в ширину занимал шесть. Высота потолка — четыре метра. В стенах по обе сто-

роны было восемь отверстий, по четыре с каждой стороны. Информация висела перед взглядом просвещённого, и он в очередной раз тщетно пытался её сморгнуть.

— О чём ты? — хлопая глазами, переспросил юноша. — Всё же видно.

Нак неожиданно замер и повернул голову в сторону Ульве.

— Вы может и видите, но света нет.

Просвещённый сосредоточился на помещении. Действительно, цвета выглядели неестественно выцветшими, блёклыми. Он инстинктивно дотронулся до виска.

— Мы одни? — прервал оцепенение Ульве часовой.

— Да, — неуверенно ответил юноша. — Есть дверь в конце коридора.

Нак опустил «Морок». Откуда-то сверху всё ещё доносился сигнал тревоги.

— Поступим так. Держитесь ближе ко мне, но стойте всё время сзади, — преступил к инструктажу часовой. — Ведите меня и будьте внимательны. По плану — в следующем отсеке места для пассажиров.

— Пассажиров? — не понял Ульве.

— Это спасательный челнок на случай эвакуации.

— Тогда почему больше никто не спускается?

Нак немного задержался с ответом. На его лице читалось раздражение, которое он забыл скрыть, так же, как и забыл, что Ульве его видит.

— Ещё будет время с этим разобраться, а сейчас — вперёд, — скомандовал воин в багровом и пришёл в движение.

— Погоди, — Ульве взял его за плечо, тем самым остановив. — Ты же не видел их. К чему тогда такая серьёзность?

— Если я за что-то берусь, то довожу до конца. И если вам угрожает опасность — я должен быть готов, — отчеканил Нак словно мантру и снова двинулся вперёд, а Ульве, ведомый силой такого ответа, поспешил за ним.

Не меняя темпа, они зашли в следующее помещение. У юноши бешено колотилось сердце, но его глаз сориентировался менее чем за секунду.

— Здесь никого нет.

Помещение делилось на три части: две около стен выделялось на сидячие места, расположенные лицом друг к другу, по центру же тянулся коридор со стеллажами, на которых лежали вещи первой необходимости.

— Как вы так быстро всё осмотрели? — удивился часовой. Его шоковый пистолет смотрел точно прямо, готовый в любой момент повернуться туда, куда скажет Ульве.

— Это... Не я осмотрел... — выдавил из себя юноша.

— Ладно, движемся дальше.

Но за следующей дверью их уже ждали.

— На три часа! — закричал просвещённый, едва они зашли внутрь.

Послышался характерный треск выстрелов из «Морока». Противник упал, дёргаясь в конвульсиях. Его оружие с фо-

нариком упало на пол и освещало часть пространства, но совсем в противоположном от участников перестрелки направлении.

— Ещё один за перегородкой!

— Какой перегородкой?! — рывкнул часовой.

Вместо ответа Ульве потянул его за собой в противоположную от врага сторону, стараясь уберечь от выстрелов.

Они оказались на мостике челнока, но непосредственно к местам операторов и пилотов вела лестница в центре помещения, за которой и решил спрятаться юноша.

У воина в багровом было идеальное чувство направления, он не переставал палить в указанном ранее направлении и свалил ещё одного, ещё троих... Прежде чем они с просвещённым укрылись за лестницей.

— Что-то не так... — прошептал Ульве.

Часовой проверил заряд пистолета и, аккуратно кинув взгляд за перила, вернулся обратно.

— Что ещё? Их оружие освещает проход. Теперь я всё вижу.

— А четырёх людей ты там не увидел?

Нак недоверчиво посмотрел на юношу, а затем снова медленно повернул голову в ту сторону, куда ранее стрелял.

— Это охранники с корабля, — с этими словами он выпрямился во весь рост, но целиться в проход не перестал. — Пойдёмте.

Ульве подчинился, и они крадучись пошли. Место, где ле-

жали четверо полумёртвых матросов, было ничем иным, как шлюзом между «Приносящим» и спасательным челноком.

Как только они подошли ближе, дверь по ту сторону отворилась, и за ней, держа винтовки наизготовку, стояла ещё дюжина человек из службы безопасности.

— Бросайте оружие! — скомандовал старший из них, судя по насечкам на лёгкой броне класса «велит» — сержант, и в этот самый момент в челноке наконец появился свет.

— Вашим людям нужна немедленная помощь, — просто сказал часовой, убирая «Морок» в кобуру и морщась от света.

Матросы явно замешкались. Старший опустил оружие лишь через пару секунд.

— Унесите их в лазарет, — передал он своим. — Простите, просвещённый, сказал он уже только Ульве, потому что Нак к этому моменту ушёл обратно в челнок. Юноша, не ответив охраннику, поспешил за ним.

Часовой стоял в самом первом отсеке, куда они приземлились с просвещённым.

— Если здесь кто-то и был, то они ушли по одной из этих труб, — констатировал воин в багровом.

— Камеры должны показать, где они вылезли. Пошли скорее к капитану!

Нак остался стоять.

— Но это чушь полная, если подумать, — он повернулся в сторону юноши, разводя руками в вопросительном жесте.

— Это два человека, а не грызуны, которые вот так легко могут улизнуть. А если камеры ничего не покажут? Мы будем пролезать по каждой трубе, ища, где они спрятались?

Ульве не нашёлся, что ответить, но от злости сжал кулаки. Через секунду в помещение зашёл матрос-сержант.

— Господин, — его голос дрожал. — Капитан просит вас к себе. Он хочет...

— Узнать, что случилось? — перебил часовой.

Охранник кивнул.

— Да, мы тоже хотим, — процедил сквозь зубы юноша.

Буквально через десять минут они стояли уже на мостике «Приносящего».

Капитан корабля, Брауд Эйз, мужчина, выглядевший лет на сорок, не более, как и все в его звании, носил форменный бело-синий китель, но вместо эмблемы легиона на его груди красовалась золотая раскрытая рука — эмблема торгового дома «Мидас», коему принадлежал корабль. Его лицо выдавало явное нервное напряжение и недовольство, усилившиеся в несколько раз с прошлой их встречи.

— Не хотите нам что-нибудь сказать? — не сдерживаясь в тоне, начал часовой.

Командир корабля сжал скулы.

— А я думал, вы мне что-то расскажете, — пересиливая себя, ответил дерзостью на дерзость. — Вы стреляли на моём корабле. Мои люди в тяжёлом состоянии, буквально при смерти.

— На вашем корабле преступники, — вмешался Ульве, и на секунду заметил на себе полный неуважения взгляд капитана.

— Куда же они пропали с челнока?

— Вас надо спросить! — резко бросил воин в багровом. — В который раз на вашем корабле не работают камеры в нужный момент, не работал свет в спасительном челноке, и вы весь полёт не в состоянии найти на собственном судне двух людей, хотя имеете их почти полное описание!

Ульве даже опешил от таких слов часового.

— Потому что их здесь нет! — закричал в ответ Брауд.

— Не забываетесь... — угрожающе процедил сквозь зубы воин в багровом.

— Забываетесь вы, — уже спокойнее, но не теряя уверенности, парировал командир корабля. — Что вы хотите сказать? Я и все люди на корабле скрывают врагов Ордена?

— Может и так, — вкрадчиво ответил Нак. — И, если выяснится, что так и есть — вас всех ждёт расстрел.

Повисла гнетущая тишина. Если до этого операторы на мостике ещё как-то контролировали последние приготовления, то после слов часового все без исключения повернулись к парочке в багровом. Ульве всем нутром почувствовал, как сильно накалилась атмосфера, в нём самом внутри росло напряжение, и мехглаз отреагировал на это.

Внезапно, все люди на мостике стали отображаться как цели, а в руке юноши уже был пистолет, направленный на

Брауда, до этого висевший в кобуре у часового на поясе.

По мостику прокатился удивлённый рокот, многие члены экипажа потянулись за своим оружием. Что уж говорить — Нак от неожиданности даже рот раскрыл, неуверенно глядя на молодого просвещённого. И только командир корабля сохранял относительное спокойствие.

— Вы решили начать прямо сейчас, Ульве? — с натянутым весельем спросил он.

Но юноша не мог ответить. Адреналин переполнял кровь, и от него, всё его тело дрожало. Всё, кроме руки с пистолетом.

— Полагаю, Багровый орден обучает своих людей управлять межзвёздными кораблями в одиночку, — не унимался Брауд. — Потому что если нет, то лучше опустите оружие.

— Господин, пожалуйста, — вмешался Нак, медленно положив руку на «Морок». — Сейчас — это не мудро.

Ульве, путём чудовищных усилий по подавлению внутреннего импульса устранить потенциальную угрозу, разжал пальцы, и часовой тут же забрал «Морок». Тяжело дыша и не говоря больше ни слова, юноша буквально вылетел пулей с мостика.

* * *

Сэндэл с напряжением смотрел на стремительно приближающийся центр орбитального контроля, зависший над Эде-

мом, одной из трёх планет системы «Райский уголок».

— Ты уверен, что это лучший вариант? — всё же решился проявить некоторое беспокойство капитан.

— Если вы хотите попасть на планету, то единственный, — холодно отметил усатый пилот.

Когда-то Элем был командиром «Грифона», корабля, используемого для разгрузки левиафанов или доставки техники и живой силы в места боевых действий. Но его понизили до пилота десантно-штурмового челнока «Коршуна» после того, как во время контрабандной сделки их накрыли часовые и почти полностью перебили его команду. На трибунале, тогда ещё майор Элем Ацилий, не стал признаваться, что целью воинов в багровом был главарь Небесных корсаров Сэндэл Кёрт, как об этом и не стал говорить Багровый орден, сославшись, что проводил именно антиконтрабандную операцию, довести до конца которую им помешали просто какие-то пираты. Для чего Ордену нужна была это конспирация, Элем даже не стал размышлять, радуясь тому, что его мало того, что не расстреляли, но и всего лишь понизили в звании. Хотя причины тому было очевидно.

— У тебя будут потом с нами проблемы, — утвердительно заключил капитан.

— Не имеет значения, — пренебрежительно отмахнулся Элем. — Я должен вам и вашим людям. Но не рассчитывайте на благосклонность других. Предателей не любят, — добавил он в конце с улыбкой.

— Знаю, знаю. Пойду напомним об этом остальным.

— Капитан, — остановил его Элем, но сделал паузу прежде чем продолжить. — Конечно, я знаю, что вы мне не расскажете, зачем прилетели в эту дыру. И у меня даже предположений нет, как вы собираетесь справляться на планете, куда пойдёте... Ну, в общем, я уже много чего вам рассказал, но запомните главное правило — не задавайте лишних вопросов, — чётко выделил в конце снабженец.

— Есть какие-то определённые? — решил уточнить главарь корсаров.

— В вашем случае — все, — без обиняков ответил Элем. — Сколько бы я вас не вводил в курс дела, вы всё равно не местные, и не забывайте об этом. Одно лишь то, что вы легионеры, не сделает вас ближе к моему легиону, — капитан услышал неподдельную грусть в этих словах, но решил, что сейчас точно не самое лучшее время для расспросов.

— Я понял тебя. Спасибо, — несмотря на то, что Элем был, вероятно, старше него, капитан по-отечески хлопнул его по плечу и удалился.

Сэндэл заглянул в отсек для пассажиров, и все взгляды тут же обратились к нему. Команда была собрана небольшая, исключительно для саботажной операции: лейтенант Гриер, его сержант Лоркан, лучшие ученики сержанта — Макбет, Винни и совсем ещё с виду молодая девушка, но на деле свирепая бестия с таким неподходящим ей именем — Беатрис. От взвода Вальдера и Эбера главарь корсаров взял снайпера

Виктора и специалиста по технике Мавлета, соответственно. Сами же лейтенанты остались оберегать Нептус.

Но после долгих раздумий, взвесив все «за» и «против», Сэндэл в последний момент взял ещё одно существо. В дальнем конце отсека стоял довольно большой стальной короб, прикованный ремнями к полу. В нём, помимо оборудования, оружия и доспехов корсаров, сидя на корточках и прижав основные четыре руки к коленям, находился киборг-палач. Капитан решил, что лучше быть готовым ко всему.

— Господа, хочу напомнить — на планете у нас нет друзей, официально, по крайней мере, а если есть, то, во-первых, это Элем, — главарь корсаров ткнул большим пальцем себе за спину, указывая на кабину пилота. — А во-вторых, других увидите позже. Далее, — он подошёл ближе к своим людям, слушающих своего командира и параллельно готовящихся к прибытию. — На планете есть контингент Багрового ордена. У них нет и близко той полноты власти, как в мирах I или даже II легионов, но всё равно — попадаться им нельзя ни в коем случае. Также стоит отметить, что, когда III легион Архитектора и IV, у которого мы сейчас в гостях, ещё дружили — нам бы разрешили забрать Лазло Бенкса и улететь, но сейчас...

— Геополитика поменялась, — закончил Гриер, застёгивая бледно-серый китель снабженца.

— Так точно, лейтенант. Поэтому... — капитан сделал паузу, привлекая внимание. — Попадёте в передрагу — выхо-

дите из боя сами. Вопросы есть?

— Никак нет, — почти синхронно отозвались корсары.

— Вот и отлично. Все остальные детали задания разберём уже по прибытии, а теперь готовимся к стыковке, — с этими словами Сэндэл сам стал переодеваться в бледно-серую форму.

По легенде, их маленький отряд был отделением снабженцев, возвращавшийся с вахты с одного из спутников, на котором в действительности был военный объект. Настоящее же отделение, которое должно было смениться, также, как и корсары, готовилось к прибытию. Как оказалось, эти солдаты раньше были частью команды Элема на «Грифоне», поэтому они были благодарны за своё спасение когда-то давно и даже не думали задавать неудобные вопросы. Посему Элем убедил капитана, что беспокоиться о секретности не надо, но по большей части, у корсаров и не было выбора.

— Стыковка через полторы минуты, — послышался голос пилота в динамике. — Кстати, вам несказанно повезло — сейчас происходит разгрузка руды с торгового корабля, плюс куча народа с него же. В транспортной зоне будет суета, и может даже ваш ящик не особо привлечёт внимание. Скорее всего.

— Что же, это прекрасно, — радостно сказал Гриер, надевая форменную фуражку. — Вам я бы тоже советовал, командир, — и указал пальцем себе на голову.

Сэндэл ненавидел головные уборы, но ради дела, можно

было и потерпеть. Он небрежно накинул фуражку и натянуто улыбнулся.

Раздался сигнал, оповещающий о стыковке. Винни и Мактбет заняли позиции по бокам от ящика. Виктор, Мавлет и Беатрис — сзади, поставив девушку между собой. Лоркан и Гриер встали впереди, а Сэндэл возглавлял шествие.

Боковая дверь челнока сдвинулась в сторону. Шлюз по ту сторону был пуст, но корсаров, сразу же пришедших в движение, это не удивило. Сразу за ними вышло настоящие отделение снабженцев, и в полном молчании двинулось в противоположном направлении.

ЦОК давно был почти полностью автономен, каждый, кто на нём работал и даже кто прибывал, заранее знали, куда и как им попасть. Маршрут Сэндэл выучил наизусть пока они летели от Нептуса, и сейчас твёрдо вёл свой маленький отряд по серым коридорам внешнего кольца паутины. Но, к его удивлению, ЦОК был даже слишком пустым. Складывалось впечатление, что по некоторым коридорам не ходили месяцами: свет был приглушён до минимальных значений для экономии электроэнергии, где-то в углах между стеной и потолком главарь корсаров увидел настоящую паутину.

— Тоскливо тут как-то, — заметил Мавлет, низкорослый коренастый корсар. Его нижняя челюсть, шея и часть груди, скрытая мундиром, была изуродована страшным шрамом от пламени. Как и многие солдаты, он был выбрит практически налысо, но всё-таки оставлял сверху полоску волос, чтобы

выделить ирокез. — Походу во внешнем кольце можно в любое помещение заселиться, и никто тебя никогда не найдёт. Думаю, так и поступили те ребята, кто с нами вышли.

— Ну не знаю, — присоединился к разговору Макбет. — Какие-то меры внутренней безопасности-то должны соблюдаться?

— Какие-то, может быть, — ответил Мавлет.

— Да ну ты брось, — впрягся за лучшего друга Винни, чьё лицо больше напоминало месиво из кожи и костей. — Думаешь в IV всё так плохо с безопасностью? Просто часть персонала на левиафана дежурит.

— Катастрофическая часть, я бы сказал, — вмешался Гриер, указывая на какой-то непонятный предмет, лежавший на пересечении двух отсеков.

Подойдя ближе, все сразу поняли, что это такое. Робот-уборщик, покрытый пылью, мирно лежал на полу. Мавлет сразу двинулся к нему, чтобы осмотреть.

— Отрубился, — через минуту резюмировал корсар. — Пылесборник забит до отказа. Он просто катался по коридорам, пока не вырубился. А скорее всего, даже перегрелся.

— Я думал, они должны возвращаться на док-станцию, когда разряжаются или, когда контейнер становится полный, — выразил общую мысль Винни.

Мавлет лишь повёл плечами.

— Говорю, что вижу.

— Закончили? — оборвал их капитан. — Мы уже близко.

За следующим отсеком внутреннее кольцо, а там и путь вниз.

Мавлет молча встал в строй, и они снова двинулись вперёд. Пройдя ещё какое-то время, отряд наконец-то начал слышать голоса других людей и вообще хоть какие-то звуки, кроме собственных шагов.

Команда центра орбитального контроля показалась сразу же, как они вошли во внутреннее кольцо: туда-сюда сновали люди в тёмно-синей одежде матросов: от рабочих в комбинезонах, до офицеров в форме. От одного из ангаров рабочие увозили вереницу труб и других металлоконструкций. Офицеры бегали с инфопланшетами между ними, раздавая команды.

Один из них, в звании капитана, внезапно отделился от общей массы и подошёл к корсарам.

— Что застыли! — рявкнул он. — Откуда и куда?

— Эм, мы с Богдуна, офицер, — начал отвечать Сэндэл.
— Наша вахта...

— Понял, понял, — перебил флотский офицер и указал пальцем куда-то вдаль. — Дуйте в четырнадцатый ангар, ваша маршрутка скоро отправляется. Если опоздаете, придётся толкаться вместе с торгашами с прибывшего корабля, а они уже спускаются сюда на «Коршунах», — наконец он обратил внимание на стальной ящик за спиной капитана. — А это что за хреновина?

— Там сломанный робот-погрузчик. На луне его починить не удалось, и нам велели его доставить вниз, — уверен-

но сказал главарь корсаров.

— Его надо досмотреть, — матрос достал свой планшет и начал в нём что-то отмечать. — Это вам нужно в...

— Послушайте, — Сэндэл мягко положил свою руку на планшет. — Как капитан капитану, я понимаю — протокол, но может без этого? Не хотелось бы тут задерживаться.

Офицер не мигающим взглядом смотрел на корсара, а затем, не отводя глаз, кивнул ему на грудь, обращая внимание на знаки отличия.

— Как кто кому?

Капитана прошиб пот, но он не подал виду. Форму то ему дали лейтенантскую. Но прежде чем Сэндэл придумал, как незаметно вырубить солдата перед собой, тот внезапно смягчился.

— За что понизили то?

Наслушавшись рассказов Элема, капитан оттарабанил почти на автомате.

— Подрался с другим офицером. Выше званием.

Матрос присвистнул то ли от уважения, то ли наоборот и покачал головой, но потом улыбнулся от уха до уха.

— Да я сам почти залетел на той неделе, — с этими словами он убрал планшет в подсумок, а Сэндэл выдохнул. — Задрали эти речёвки храбрых комиссаров. Одному чуть рожу не разбил. Обещали под трибунал, но куда уж там! — он весело рассмеялся. — Служить уж некому. Всех что ли в смертники записывать?

— Да уж, — подтвердил капитан, понятия не имея, как поддержать беседу, чтобы чего лишнего не ляпнуть. — Но думаю, если бы разбил — точно бы расстреляли.

— А-а-а, — махнул рукой офицер. — Ладно, бегите к четырнадцатому, а то уже «Коршуны» прилетели, — не сказав больше ни слова, он пошёл к следующему отсеку.

— Вперёд! — бросил, не глядя, своим капитан.

Оказалось, что до нужного ангара идти довольно прилично, но Сэндэл пришёл к выводу, что им всё-таки повезло. Во-первых, Элем говорил совсем про другой ангар, и прибыв туда, они могли нарваться на ещё большие неприятности. Во-вторых, корсары поняли, что дела у IV легиона, видимо, идут совсем плохо, если происходит такой подрыв дисциплины, что учреждена должность комиссаров, следящих за порядком и настроением в армии.

Пока они шли, из соседних отсеков начали выходить люди с прибывшего торгового корабля. Их тут же встретили офицеры-матросы и, кажется, стали распределять по группам.

В какой-то момент корсары всё-таки пришли. В ангаре их ждал «Грифон», он выглядел также плохо, как и тот, на котором летал Элем — весь корпус был в заплатках и швах от сварки.

Уже поняв чувства местных относительно торговцев, Сэндэл начал говорить ещё на подходе, хотя легионер, охранявший челнок, стоял к нему спиной.

— Есть возможность свалить отсюда, пока толпа этих сви-

ней не нагринула?

Легионер медленно и угрожающе повернулся. Его броня была раскрашена в десятки расцветок зелёного и, также как и корабль, который он охранял, имела сотни различных царапин, трещин и выбоин. В обычное время, вне боевых действий, за такое состояние доспеха могли устроить серьёзную взбучку, но легионеры IV из боя не выходили никогда.

Лишь на правой части доспеха, закрывавшей грудь, имелись строго структурированные насечки. Приглядевшись, капитан уловил в них иероглифы, значения которых, к своему разочарованию, и близко не понимал. Но предположил, что это счёт на убитых. Насечек было несколько десятков. Кроме этого, сам по себе доспех отличался от стандартного легионерского типа «Принцип»: множество пластин брони были убраны или заменены на более лёгкие образцы. Капитан сразу определил, что такая конфигурация делает легионера в разы проворнее и подвижнее, хоть он и теряет в защите.

В руках вместо обычного автомата солдат держал весьма крупный барабанный арбалет. Оценив размер барабана, главарь корсаров, предположил, что его стрелы могут и обшивке лёгкой техники навредить, а человека и подавно прошить насквозь, не теряя в скорости. Из холодного оружия Сэндэл заметил два ножа Боуи, длиной не меньше восьмисот миллиметров, закреплённых на бёдрах.

На лице бойца была дыхательная маска, закрывшая прак-

тически всю нижнюю часть лица, начиная от переносицы. Подобную носил первый помощник командора, Сол, у которого были повреждены дыхательные пути, но этот вариант был проработан куда серьёзнее в функциональном смысле, вероятно, она была частью шлема. Кроме того, маска была стилизована под оскал хищного животного. На правом виске и части лба легионера была вытатуирована ядовито-зелёным цветом какая-то рептилия, и капитан был точно уверен, что точно её видел.

— Спешешь куда-то, посыльный? — голос воина был ис-
кажён и больше напоминал звериный рык, но Сэндэла больше удивило обращение к нему.

«Посыльные» — так в грубой и неприятельской форме называли вспомогательную часть армии — снабженцев. Они занимались полным хозяйственным обеспечением солдат, а во время войн отвечали за доставку всего необходимого в зону боевых действий, но непосредственного участия не принимали, а потому им даже не выдавался полный доспех, только лёгкий класса «велит». Капитан слышал истории про некоторых войсковых офицеров, да и просто солдат, которые почему-то ставили себя выше всех остальных.

У себя в роте Сэндэл никогда не допускал подобного пренебрежения к снабженцам, потому что ему и в голову не приходило оскорблять подобным образом братьев по оружию. Но здесь могло быть всё что угодно. И всё же он принял решение не давать заднюю.

— Вниз спешу, но готов задержаться, чтобы исправить тебе прикус, — угрожающе процедил главарь корсаров.

Легионер шумно выдохнул. Звук напоминал небольшой раскат грома.

— Трепло! Прячетесь в уютном вакууме, пока мы разгребаем говно! — и прежде, чем капитан понял, что ситуация выходит из-под контроля, солдат резко двинул ему кулаком в плечо.

Отступать было поздно, потому Сэндэл расстегнул несколько пуговиц на кителе и встал в боевую стойку, не обращая внимания на толпу людей во главе с матросом, подходившую к кораблю.

Легионер жутко рассмеялся через свою маску и ткнул пальцем в сторону корсара.

— Я запомнил твоё лицо, посыльный. Мы встретимся на земле.

— Струсил что ли? Так и скажи.

— Чтоб меня... Капитан! В смысле, лейтенант, — вмешался в перебранку Гриер.

— погоди, — бросил ему через плечо Сэндэл. В этот момент легионер подошёл к нему вплотную. — Ну так что? Один на один. И без...

Не успел он договорить, как его резко отдёргнули за плечо и повели за ящик, который они с собой привезли. Солдат IV лишь удивлённо глянул ему вслед, но прежде чем главарь корсаров что-то успел спросить, лейтенант указал ему

на толпу.

— Не может быть... — прошептал капитан.

Во главе толпы к «Грифону» приближался Ульве Гард, собственной персоной, и часовой, которому Сэндэл несколько лет назад отрезал ухо.

Глава 4. Выходной палача

Жизнь — это борьба. Борьба с непредвиденными обстоятельствами, борьба с другими людьми и, конечно, борьба с самим с собой. Если вы не сражаетесь, значит вы деградируете. Бой заканчивается лишь после смерти.

Великая Мать Оливия Вект. Книга Основ. Послание потомкам. Раздел «Законы социума». Положение первое

Идрис Борнаэль встал с коврика, отдышался и вышел из личной молельной комнаты, закрыв переборку за собой. Не долгая думая, он направился к инфостолу, где, покрутив новостную сводку, командор с неудовольствием подумал, что делает это уже раз шестой за день, и лишь для того, чтобы отогнать тяжёлые мысли. Резким движением он отключил стол и, скрестив пальцы, упёрся в них лбом.

Неужели их обыденной жизни пришёл конец? Серьёзно ли капитан говорил о том, что покинет их? Да, ему-то есть куда идти, а команде Нептуса?

Идрис злобно фыркнул. Его с детства готовили к роли командира корабля, он был отобран из тысяч претендентов! Он и ему подобные. Они просто не умели ничего другого. Если бы Сэндэл только знал, через что проходили юноши и девушки, чтобы стать командорами!

Но нет. Об этом не могли знать пехотинцы, да и кто-либо ещё, кроме офицеров флота. Он — это корабль, а корабль — это он!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.